

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
» съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
» съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 1
15 ЯНВАРЯ 1869 Г.

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ** выходитъ еже-
дневно въ форматъ большаго двойнаго листа въ 16
страницъ.

Императорскій
орденъ Лен на
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ

ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

[ГЕРМАНА ГОППЕ] НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ
ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Высокопреосвященный Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. — Внутренняя и внѣшняя политика. — Разныя извѣстія. — Кое-что о Тифлисѣ. —
Художники во Флоренціи. *Разсказъ. (Окончаніе).* — Первая поѣздка Ильи Муромца. — Фельетонъ (*Петербургская жизнь*). — Поклоненіе царей. — Зимнія моды. — Новгородцы. — Те-
атръ и Музыка. — Путешествіе. — Литература. — Новости естественныхъ наукъ. — Художества. — Новый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. — Отъ Редакціи. — Объявленія.

РИСУНКИ: Высокопреосвященный Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій. — Виды Тифлиса, Греческіе и армянскіе типы. — Первая поѣздка Ильи Муромца. — Поклоненіе
царей (картина Рубенса). — Картинка модъ. — Генералъ Грантъ, будущій президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Высокопреосвященный Иннокентій,

митрополитъ московскій и коломенскій.

Высокопреосвященный Инно-
кентій родомъ изъ Восточной Сибири.
Сынъ пономаря Ангинской Ильин-
ской церкви въ Верхотурскомъ уѣз-
дѣ, онъ родился въ 1793 г. 28 ав-
густа и при святомъ крещеніи былъ
нареченъ Іоанномъ. Въ 1817 г.
онъ окончилъ курсъ въ Иркутской
семинаріи, гдѣ, по обычаю того вре-
мени, первоначальную его фамилію
Поповъ измѣнили въ Веніамина, въ
память иркутскаго Веніамина.
Въ 1821 году Іоаннъ Веніаминовъ
былъ посвященъ въ священники
Иркутской церкви Благовѣщенія.
Въ это время, тогдашній епископъ
иркутскій Михаилъ обратился къ
мѣстному священству съ предло-
женіемъ: не пожелаетъ-ли кто и-
ти на трудный подвигъ миссіоне-
ра алеутскаго? Отецъ Іоаннъ пер-
вый откликнулся на зовъ своего
архипастыря. Изъ Иркутска онъ
отправился черезъ Якутскъ въ
Охотскъ, откуда, на суднѣ Амери-
канской компаніи, переплылъ на
главный изъ Алеутскихъ остро-
вовъ — Уналашку, гдѣ и поселился.
Тутъ встрѣтили будущаго архипа-
стыря всякія заботы. Онъ самъ,
собственными руками, построилъ
для себя домъ, сдѣлалъ всю до-
машнюю утварь и даже стѣнные
часы. Но по среди житейскихъ за-
ботъ, которыя одни-бы убить
менѣе нравственно-сильнаго чело-

Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

вѣка, отецъ Іоаннъ явился истин-
нымъ христіанскимъ проповѣдни-
комъ. Десять лѣтъ трудился онъ
на Алеутскихъ островахъ, неуто-
мимо распространяя христіанство.
Его дѣятельность не ограничива-
лась Уналашкой; въ утломъ челно-
кѣ, по океану, переѣзжалъ онъ съ
острова на островъ; устраивалъ
церкви, заводилъ училища, въ ко-
торыхъ до 600 мальчиковъ на-
учили читать по русски и затѣмъ,
изучивъ алеутскій языкъ, соста-
вилъ для него азбуку изъ славян-
скихъ буквъ и перевелъ на тузем-
ное нарѣчіе Евангеліе отъ Матѳея
и необходимыя молитвы. Кромѣ
того, имъ, за это время, составлено
огромное и замѣчательное описаніе
алеутскихъ острововъ.

Отецъ Іоаннъ, видя недостатокъ
средствъ миссіи, отправился на
островъ Ситху, куда не задолго пе-
редъ тѣмъ было перенесено съ о-
строва Кадьяка главное управленіе
американской миссіи. На Ситхѣ,
отецъ Іоаннъ прожилъ еще пять
лѣтъ, стараясь обратить ко Хри-
сту дикихъ колошей, съ языкомъ
которыхъ онъ первый познакомилъ
ученыхъ.

Живя на Ситхѣ, отецъ Іоаннъ
убѣдился, что безъ помощи изъ сре-
доточія православнаго міра, дѣла
миссіи не могутъ идти успѣшно.
Это заставило его отправиться въ
Петербургъ, куда онъ и прибылъ
осенью 1839 г. Свое семейство онъ
отправилъ въ Иркутскъ.

Въ Петербургѣ, отца Іоанна уз-
налъ митрополитъ Московскій Фи-

ларетъ. Имъ былъ произведенъ отецъ Іоаннъ въ санъ протоіерея; по его-же предложенію, отецъ Веніаминъ былъ назначенъ начальникомъ американской миссіи. Пока изготовлялись средства для миссіи, отецъ Іоаннъ испросилъ дозволеніе посѣтить московскія и кievскія святыни. Въ Москвѣ, онъ напечаталъ свой переводъ Евангелія на алеутскій языкъ. По возвращеніи въ Петербургъ отецъ Веніаминъ узналъ о кончинѣ жены своей. Это открывало ему путь въ монашество. По убѣжденію митрополита Филарета, онъ принялъ санъ монашескій съ именемъ Иннокентія, въ честь перваго епископа иркутскаго.

Въ декабрѣ 1840 г. Иннокентій былъ рукоположенъ въ санъ епископа камчатскаго, курильскаго и алеутскаго. Весною 1841 г. съ нѣкоторыми іеромонахами и клириками, по его убѣжденію посвятившими себя дѣятельности миссіонерской, онъ отправился за 12.000 верстъ въ свою епархію. Близъ береговъ острова Кадьяка, гдѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія погибла первая американская миссія, едва не погибъ и ново-рукоположенный епископъ камчатскій. Прибывъ въ Ново-архангельскъ, епископъ Иннокентій, устроивъ свою кафедру и училище при соборной церкви, сталъ думать о просвѣщеніи колошей и объ учрежденіи духовныхъ миссій на устьяхъ, впадающихъ въ океанъ рѣкъ, куда въ извѣстное время года спускались съ верховьевъ инородцы для рыбнаго промысла и торговли. Такихъ миссій было устроено пять и ежегодно около трехсотъ язычниковъ обращались ко Христу. Не забывая епископъ и острова алеутскіе, гдѣ началъ свой подвигъ; онъ посѣтилъ ихъ всѣ, вездѣ устраивая церкви, или часовни. Затѣмъ, епископъ переѣхалъ на азіатскій материкъ и временно поселился въ Петропавловскѣ, гдѣ устроилъ духовное училище. Зимой онъ дважды объѣхалъ весь полуостровъ Камчатку до кочевьевъ чукчей, въ самомъ углу Охотскаго моря, гдѣ поселился на время, чтобы проповѣдать Евангеліе племенамъ кочующихъ тутъ. Служа въ Петербургѣ, онъ въ парадномъ кафтанѣ изъ досокъ, на собакахъ, и въ лаптяхъ. Часто на разстояніи двухъ сотъ верстъ путешественники не встрѣчали даже убогой чукотской юрты и на ночь вырывали себѣ ночлегъ въ снѣгу, чтобы спастись отъ страшныхъ морозовъ.

Епископъ послалъ также священника на пустынные Курильскіе острова, гдѣ до того времени не было церкви. Изъ Азіи, Иннокентій снова переѣхалъ въ Америку, гдѣ занялся устройствомъ семинаріи. Впослѣдствіи, когда якутская область была присоединена къ епархіи Иннокентія, семинарія перенесена въ Якутскъ. Туда-же переселился и преосвященный Иннокентій, исходатайствовавъ себѣ викарія въ Америку. Въ Якутскѣ, при помощи одного опытнаго священника (нынѣ епископъ Веніаминъ) онъ перевелъ на якутское нарѣчіе Евангеліе, литургію и молитвы и исходатайствовалъ у Святѣйшаго Синода разрѣшеніе, чтобы богослуженіе во всей якутской области совершалось на туземномъ языкѣ. Такимъ образомъ до 250 тысячъ якутовъ утвердились въ вѣрѣ Христовой.

Во время восточной войны Иннокентій жилъ въ Аянѣ, гдѣ была факторія американской компаніи. Послѣ войны, преосвященный былъ вызванъ въ Петербургъ, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Здѣсь онъ пробылъ цѣлый годъ и многое сдѣлалъ для благоустройства своей паствы. Ему данъ былъ второй викарій въ Якутскъ, такъ какъ собственная его дѣятельность должна была направиться на вновь приобрѣтенный Россіей Амурскій край. На берегахъ Амура, въ Благовѣщенскѣ, онъ устроилъ въ третій разъ свою кафедру. Прежде, чѣмъ окончательно поселиться на Амурѣ, архіепископъ посѣтилъ Якутскъ и Америку. На этотъ разъ, помощникомъ его въ дѣлѣ проповѣди явился родной его сынъ, который нѣсколько прежде поселился въ Николаевскѣ, на устьѣ Амура, гдѣ занимался обращеніемъ племени гольдовъ. Мало по малу, китайцы и монголы начинаютъ склоняться

къ вѣрѣ Христовой и недалеко уже то время, когда предѣлы православной церкви раздвинутся за Даурию и Монголію до предѣловъ Кореи.

Всякій, внимательно прочитавшій этотъ бѣглый очеркъ многотрудной и, поистинѣ, исполненной великихъ подвиговъ, жизни высокопреосвященнаго Иннокентія, пойметъ почему покойный митрополитъ Филаретъ пожелалъ его себѣ въ пріемники. Замѣтимъ еще, что высокопреосвященный Иннокентій написалъ небольшую книжку «Указаніе пути къ царствію небесному». Эта книга, вся проникнута чувствомъ живой и сердечной вѣры, написанная яснымъ и всякому понятнымъ языкомъ, есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ духовныхъ книгъ и, подобно сочиненіямъ Св. Тихона Задонскаго, любима простымъ народомъ нашимъ.

«Преосвященный Иннокентій», заключимъ словами одного изъ духовныхъ журналовъ нашихъ, «не получилъ самъ высшаго духовнаго образованія гдѣ-либо въ академіи, ибо его воспитаніе ограничилось только иркутскою семинаріею; но если единственная цѣль высшихъ богословскихъ центровъ, каковы духовныя академіи направлена особенно къ распространенію слова Божія и свѣта Христова, то кто-же болѣе смиреннаго Иннокентія достигъ сей высокой цѣли, подвизаясь столько лѣтъ на своемъ миссіонерскомъ поприщѣ? Ибо онъ успѣлъ образовывать два языка, алеутскій и якутскій, для изложенія на нихъ слова Божія!»

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

12 Января 1869 года.

Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1869 годъ, о скоромъ появленіи которой мы говорили въ прошедшемъ обзорѣ нашемъ, обнародована, вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ министра финансовъ. Роспись разсмотрѣна и одобрена Государственнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 30 декаб. т. а на другой день, 31 декабря, удостоилась Высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году нашъ государственный бюджетъ появился вполне своевременно, и былъ утвержденъ къ самому открытію финансового года. Это конечно въ сильной степени облегчитъ и упроститъ механизмъ всѣхъ государственныхъ финансовыхъ операций.

Слухи, ходившіе о росписи до ея появленія, оправдались не вполне. Превышеніе расходовъ надъ доходами, посящее на техническомъ финансовомъ языкѣ, слишкомъ хорошо всякому знакомое названіе *дефицита*, оказывается и въ нынѣшнемъ бюджетѣ, хотя въ размѣрахъ незначительныхъ, если сравнить его съ дефицитами предъидущихъ годовъ. Обыкновенные государственные расходы на 1869 годъ исчислены вмѣстѣ съ издержками взиманія доходовъ въ 432,151,607 р. и на недоборъ въ доходахъ положено 3,000,000 руб. Обыкновенные доходы ожидаются въ размѣрахъ 419,977,532 р. Изъ этой цифры слѣдуетъ исключить издержки на взиманіе доходовъ, доходящіе до 46,438,983 р., т. е. до 11%. За вычетомъ этой суммы, чистый доходъ простирается до 373,538,549 р.

Сравнивая эту цифру чистаго дохода съ цифрой расхода, мы видимъ, что перевѣсъ расходовъ передъ доходами простирается на 15,174,074 р.

Впрочемъ, этотъ дефицитъ покрывается соотвѣтствующею суммою, вносимою для этой цѣли, изъ существующихъ уже экстраординарныхъ ресурсовъ государственнаго казначейства, именно остатками отъ заключенной росписи 1867 г. и остатками отъ кредитовъ 1868 года, подлежащими къ обращенію въ ресурсы государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, дефицитъ 1867 года будетъ покрытъ экономіями отъ прежнихъ суммъ и не падетъ всею своею тяжестью на имѣющіяся у насъ спеціальныя источники, полученные путемъ займовъ и назначаемые на покрытіе экстраординарныхъ расходовъ.

Это конечно еще не полное равновѣсіе бюджета, въ которомъ, по здоровымъ финансовымъ взгля-

дамъ, дефицитъ признается только тогда не существующимъ, когда *цифра ординарныхъ расходовъ не превышаетъ цифры ординарныхъ доходовъ*, но все таки это несомнѣнно важный шагъ впередъ противъ прежнихъ лѣтъ, когда для покрытія дефицитовъ приходилось прибѣгать къ созданію *новыхъ* экстраординарныхъ ресурсовъ, путемъ займовъ или увеличенія налоговъ. Мы очевидно на новой и прекрасной дорогѣ и 1869 годъ, по видимому, долженъ открыть собою періодъ совершенно новаго положенія нашихъ финансовъ. Остается только желать, чтобы никакія случайности не испортили столь отраднo начинающагося нынѣ порядка вещей, и чтобы Россія мало по малу осилила тотъ злой рокъ, который не дозволялъ ей по финансовому своему развитію идти наравнѣ съ другими видами ея политическаго и гражданскаго развитія. Возможность этого, по нашему мнѣнію, указывается довольно ясно тѣмъ, что улучшеніе нашихъ финансовъ является прямымъ и очевиднымъ послѣдствіемъ серьезныхъ и вполне разумныхъ улучшеній въ формахъ государственной отчетности.

Вакансія на мѣсто генераль-губернатора Юго-Западнаго края, открывшаяся за смертью генераль-губернатора А. П. Безака, не долго оставалась не занятою; на мѣсто покойнаго назначенъ генераль-лейтенантъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ рукахъ котораго однакожь не сосредоточивается вся власть, сосредоточивавшаяся въ рукахъ его предшественника. А. П. Безакъ былъ въ одно и тоже время и генераль-губернаторомъ края и командующимъ войсками кievскаго военнаго округа. Его преемникъ занимаетъ только первый изъ этихъ двухъ постовъ, а на второй назначенъ генераль-лейтенантъ Козляниновъ 2-й, состоявшій донныи помощникомъ покойнаго А. П. Безака, по его званію командующаго войсками кievскаго округа.

Это отдѣленіе въ Юго-Западномъ краѣ власти гражданской отъ власти военной—лучшій отвѣтъ нѣкоторымъ порицателямъ дѣятельности покойнаго начальника края. Извѣстно, что сайтѣ въ одномъ лицѣ званій генераль-губернатора и командующаго войсками въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, было признано необходимымъ, именно вслѣдствіе того состоянія, въ которомъ находились эти губерніи, послѣ польскаго мятежа 1863 года. Если теперь признается возможнымъ прекратить въ Юго-Западномъ краѣ подобный порядокъ вещей, то это кажется съ неопровержимою ясностію показываетъ, что А. П. Безакъ своею энергическою и разумно-направленною дѣятельностію сумѣлъ добиться той цѣли, къ которой онъ стремился, а такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, какими средствами старался онъ достигнуть этой цѣли, то кажется и не остается болѣе никакого сомнѣнія насчетъ лучшаго способа окончательно обезсилить польско-шляхетскую крамолу въ русскихъ губерніяхъ нашей западной полосы. Выводъ изъ всего такъ ясенъ, что мы рѣшительно отказываемся понимать: съ какою цѣлью иные господа ищутъ другихъ способовъ для достиженія результатовъ столь просто и успѣшно полученныхъ покойнымъ А. П. Безакомъ.

По другимъ отраслямъ и вопросамъ нашей внутренней политики, за послѣднее время не произошло ничего особеннаго, такъ что мы можемъ прямо перейти къ обзорѣ политики заграничной.

Парижская конференція окончила свои работы. Несмотря на отказъ греческаго уполномоченнаго отъ участія въ преніяхъ, членамъ конференціи, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній все таки удалось составить декларацию, выражающую такъ сказать общій взглядъ европейскихъ державъ на греко-турецкую распрю. Подлинный текстъ этой декларации до сихъ поръ еще не извѣстенъ, но, по слухамъ, кажется не лишеннымъ нѣкотораго основанія, державы, подписавшія этотъ документъ, не сочли возможнымъ настаивать на всѣхъ пунктахъ турецкаго *ультиматума*, и изъ пяти признали вполне законными только три

См. стр. 5

первых, а о двухъ послѣднихъ выразились весьма неопредѣленно. Эта неопредѣленность, по-видимому, не понравилась турецкому уполномоченному, потому что онъ сначала вовсе отказался подписать протоколы совѣщаній конференціи, ссылаясь на необходимость получить дополнителныя инструкции отъ своего правительства, а потомъ, по полученіи этихъ инструкцій, подписалъ *подъ протоколами*, но не *подъ декларацией*. Не смотря на это новое затрудненіе, уполномоченные другихъ державъ, участвовавшихъ въ конференціи, все таки нашли возможнымъ дать ходъ, составленному ими документу, который и былъ отправленъ въ Аѳины съ секретаремъ конференціи, графомъ Шарлемъ Валескимъ. До полученія отвѣта отъ аѳинскаго правительства, котораго нельзя ожидать ранѣе 18 (30) января, конференція останется въ полномъ сборѣ и окончательно разойдется только тогда, когда узнаетъ содержаніе этого отвѣта.

Каково будетъ это содержаніе—довольно трудно предсказать не зная самаго текста, отправленной въ Аѳины декларации. По нѣкоторымъ признакамъ надо однакожъ думать, что Эллинское правительство не очень-то расположено къ уступкамъ, несомнѣннымъ съ его честию и достоинствомъ. Хотя греческій уполномоченный на конференціи, г. Ризасъ Рангави и увѣрялъ, что онъ не получаетъ новыхъ инструкцій изъ Аѳинъ вслѣдствіе телеграфныхъ поврежденій, но надо думать, что правительство короля Георгія имѣло все таки достовѣрныя и своевременно ему доставляемыя свѣдѣнія о томъ, что происходило на конференціи. Между тѣмъ, всѣ извѣстія, получаемыя изъ Аѳинъ, заставляютъ думать, что тамъ не перестаютъ готовиться къ близкому столкновенію. Въ крѣпости Навплии дѣлаются приготовленія для пріема короля съ семействомъ, на случай, еслибъ пребываніе его въ Аѳинахъ, слишкомъ близкихъ къ гавани Пирея сдѣлалось невозможнымъ. Греческія войска двинулись къ границамъ, а народное оушешеніе все болѣе и болѣе усиливается. Турція съ своей стороны, хотя и увѣряетъ въ своемъ желаніи сохранить миръ, но ни на минуту не прерываетъ спѣшныхъ военныхъ вооруженій... Все это заставляетъ думать, что обѣ спорящія стороны весьма мало расположены ожидать, отъ отправленной въ Аѳины декларации, окончательнаго устранинія возникшихъ между ними несогласій.

Такое положеніе дѣлъ, очевидно далеко не успокоительное, не помѣшало однакожъ императору Наполеону въ своей тронной рѣчи, при открытіи законодательной сессіи, выразить надежду на то, что миръ не будетъ нарушенъ въ Европѣ. На биржахъ и въ кружкахъ присяжныхъ оптимистовъ такое увѣреніе произвело благоприятный эффектъ, но большинство европейской публики не очень-то ему повѣрило, хорошо помня, что императоръ Французовъ вовсе не считаетъ своею нравственною обязанностію представлять вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, въ произносимыхъ имъ рѣчахъ.... Впрочемъ, еслибъ это убѣжденіе не существовало уже давно, то нынѣшняя тронная рѣчь Наполеона одна была бы въ состояніи поселить его въ умахъ всѣхъ тѣхъ, кто хоть немного знакомъ съ современнымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи. Трудно себѣ представить, что либо менѣе согласное съ дѣйствительностію, какъ та картина, которую рисуетъ намъ французскій государь съ высоты трона своего. По его увѣреніямъ, во Франціи все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно. Народъ, тотъ самый народъ, который повсюду придирается къ каждому удобному случаю, чтобъ выразить свое недовольство существующимъ порядкомъ вещей—по словамъ Наполеона, твердо стоитъ за этотъ порядокъ вещей и не поддается проискамъ партій. Свобода обезпечена—не смотря на свирѣпыя преслѣдованія журналистики; промахи правительства—заглажены общимъ успѣшнымъ ходомъ дѣлъ и въ будущемъ, т. е. отъ новыхъ выборовъ—ожидаются полнѣйшая побѣда для второй Имперіи.

Все это высказано очень самоувѣреннымъ тономъ, но вчитываясь пристальнѣе въ текстъ им-

ператорской рѣчи, можно замѣтить, что самоувѣренность ея фразъ служить только ловкими ширмами, за которыми кроется желаніе Наполеона оправдаться передъ націей, отъ всѣхъ сыпавшихся въ послѣднее время на него и на его правительство упрековъ и нападокъ. Это въ сущности—аналогія, дѣлаемая государемъ Французовъ самому себѣ и одинъ парижскій оппозиціонный журналъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Наполеонъ ни разу еще не выставилъ съ такою настоячивостію на первый планъ своей личности и не напиралъ такъ много на свою отвѣтственность передъ страной. Это послѣднее обстоятельство, по отзывамъ парижскихъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, особенно не понравилось публикѣ, которая видѣла въ немъ опроверженіе своихъ надеждъ на введеніе истинно парламентскаго образа правленія, т. е. отвѣтственности министровъ. «Люди, вздыхающіе объ отвѣтственности министровъ», говоритъ *Journal de Paris*, пусть ожидаютъ ихъ *отъ хода событій*. Государь, взявшій на себя починъ 24 ноября и 19-го января, не дастъ намъ ихъ».

Въ общей сложности нынѣшняя тронная рѣчь Наполеона, несмотря на ея необыкновенную выработанность и нѣчто какъ бы напрашивающіеся на похвалы, не произвела сильнаго впечатлѣнія не только на публику, но даже и на слушавшихъ ее въ тронной залѣ сенаторовъ и членовъ законодательнаго корпуса. Только въ двухъ мѣстахъ этой рѣчи раздались громкія рукоплесканія и замѣчательно, что первымъ изъ нихъ было то, гдѣ Наполеонъ объявлялъ свое правительство достаточно сильнымъ чтобъ переносить «даже и крайности свободы», а другое говорило о его «желаніи сохранить миръ». Необыкновенно обработанный періодъ о превосходныхъ результатахъ военной реформы не вызвалъ рѣшительно ничьего одобренія и былъ выслушанъ въ полнѣйшемъ молчаніи. Сильное разочарованіе произвело и то обстоятельство, что въ рѣчи вовсе не было упомянуто объ амнистіи по дѣламъ печати, которой ожидали весьма многіе во Франціи.

Пренія законодательнаго корпуса вѣроятно не замедлятъ показать во многихъ отношеніяхъ, какъ мало согласны съ дѣйствительностію увѣренія тронной рѣчи Наполеона о томъ, что «ничто не нарушитъ общаго согласія» и что «правительству будетъ дана возможность выполнить многія изъ предположенныхъ улучшеній».

Въ другихъ странахъ Европы за истекшую недѣлю произошло весьма мало замѣчательнаго. Въ Бельгіи скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, наслѣдный принцъ Леопольдъ-Фердинандъ, герцогъ Брабантскій. Ему былъ десятый годъ отъ роду и уже болѣе году этотъ бѣдный ребенокъ былъ одержимъ тяжелымъ недугомъ, который, по отзывамъ окружающихъ, онъ переносилъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, доставившемъ ему даже своего рода популярность. Въ Брюсселѣ сильно распространенъ эстампъ, изображающій покойнаго въ постели, *притворяющагося спящимъ, чтобъ успокоить отца и мать своихъ*... Леопольдъ Фердинандъ былъ единственный сынъ короля Леопольда II-го. Съ его смертію наслѣдникомъ престола остается братъ короля, графъ фландрскій.

Въ Испаніи продолжаетъ господствовать величайшая анархія, доходящая до такихъ предѣловъ, что нѣкоторые начинаютъ даже желать реставраціи Бурбоновъ въ лицѣ принца Астурійскаго, сына королевы Изабеллы. Къ числу кандидатовъ, имѣющихъ шансы на Испанскій престолъ, по увѣренію нѣкоторыхъ испанскихъ журналовъ, слѣдуетъ отнести герцога Аостскаго, втораго сына короля Виктора Эммануила.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Иностранная, а за ними и нѣкоторыя русскія газеты сообщали уже о значительномъ воровствѣ, сдѣланномъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Римѣ, у княгини Витгенштейнъ, при чемъ украдено также нѣсколько драгоценностей, принадлежавшихъ аббату Листу, давшему ихъ на сохране-

ніе княгинѣ. Кромѣ личностей, арестованныхъ по подозрѣнію въ совершеніи этого воровства, и въ числѣ которыхъ находится камердинеръ Листа, въ настоящее время привлечены къ слѣдствію нѣсколько золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые обвинены въ покункѣ краденыхъ вещей. Между этими золотыхъ дѣлъ мастерами находится также отецъ молодого и очень талантливаго придворнаго живописца Чезаре Фракассини, умершаго нѣсколько недѣль тому назадъ. Впрочемъ, потеря, которую понесла княгиня Витгенштейнъ и которая равняется 250,000 франкамъ, какъ кажется, нисколько не огорчила ее; она издала недавно въ Римѣ книгу, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Молитва свѣтской женщины».

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Шперенберга, въ бранденбургской провинціи Пруссіи, гдѣ, какъ мы уже сообщали, найдены богатые соляныя копи, помощью паровой машины въ восемьдесятъ лошадиныхъ силъ удалось просверлить почву почти на 3,000 футовъ въ глубину. Минералъ вездѣ найденъ равнаго и прекраснаго качества.

— Въ Нью-Йоркѣ, 30 Декабря прошлаго года, умеръ нѣкто Мосли Клэркъ, на 121½ году отъ рожденія. Въ 1863—64 году онъ участвовалъ въ американской междоусобной войнѣ въ качествѣ фурлейта.

— Духовенство о дворянствѣ. Заимствуемъ изъ «Голоса» слѣдующія прекрасныя строки, сказанныя преосвященнымъ Леонидомъ московскому дворянству. «Чтобъ наслѣдникамъ высокихъ именъ поддерживать себя на высотѣ этихъ именъ и этихъ титуловъ, которыми они украшаются—надобно опираться на силу личныхъ достоинствъ ума и добродѣтели. Если земля русской свѣтло будетъ отъ вашего ума, тепло отъ сердца вашего, она почтитъ ваши знатныя имена; ей даже будетъ радостно, что около престола русскаго Царя и въ XIX вѣкѣ блистаютъ и звучатъ имена, украшающія собою бытописанія девятилѣтней государственной жизни русскаго народа. *Дайте же русскому народу эту радость, или не жалуйтесь на забвеніе*».

— Въ газетѣ «Italia» пишутъ, что въ ночь съ 9-го на 10-е января между Флоренціей и Болонней *столкнулись два поезда желѣзной дороги*, въ одномъ изъ которыхъ ѣхалъ герцогъ Евгений Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, съ своей невѣстой, Д. К. Опочининой, матерью и сестрой г-жи Опочининой, флигель-адъютантомъ Тучковымъ (женихомъ сестры Д. К. Опочининой), матерью г. Тучкова (вдовой бывшаго московскаго-генерала-губернатора), и полковникомъ Зарубаевымъ, состоящимъ при герцогѣ Лейхтенбергскомъ. Столкновеніе произошло въ 3 часа ночи, близъ станціи Борго-Панигале (первой станціи отъ Болоньи); но, къ счастью, какъ герцогъ Лейхтенбергскій, такъ и всѣ вышеназванныя лица, отдѣлались однимъ испугомъ, за исключеніемъ Д. К. Опочининой, которая получила незначительный ушибъ въ голову. Находившаяся въ соседнемъ вагонѣ камеръ-юнгфера получила болѣе серьезныя, хотя и не опасныя, поврежденія. Поездъ пришлось остановиться болѣе часу на станціи Борго-Панигале. (С.-Петербург. Вѣд.).

— Въ «Кіевлянинѣ» пишутъ: Мы только что получили проектъ устава *русскаго Товарищества на паяхъ для приобщенія и перепродажи имѣній въ западномъ краѣ*, которое учреждается въ Москвѣ для облегченія перехода имѣній въ девяти губерніяхъ западнаго края къ лицамъ русскаго происхожденія, на основаніи вышесказаннаго повелѣнія 10-го декабря 1865 года. На основаніи Временныхъ Правилъ для введенія устава означеннаго Товарищества, лица, изъявившія первыя желаніе открыть русское Товарищество, избрали изъ среды своей три лица, а именно: ст. сов. Фед. Мих. Сухотина, потомств. почетн. гражданина, московскаго 1-й гильдіи купца Пет. Гавр. Волкова и потом. поч. гражд. с.-петербургскаго купца 1-й гильдіи Ив. Александр. Варгунина, которыхъ уполномочили представить проектъ устава къ утвержденію правительства, а также обращаться посредствомъ особаго циркуляра, составленнаго отъ тѣхъ лицъ и за подписью всѣхъ остальныхъ, съ приглашеніемъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ содѣйствіе будетъ ими признано полезнымъ и сообразнымъ съ цѣлью Товарищества. Въ случаѣ, еслибъ правительство сочло необходимымъ сдѣлать въ проектѣ какія-либо измѣненія, означенныя три лица призываютъ немедленно общее собраніе товарищей. (С.-Петербург. Вѣд.).

Кое-что о Тифлисѣ.

Воспоминаніе о взятіи нашими войсками Гуніба, плѣнѣ Шамиля, его появленіе въ Петербургѣ, разговоры о малиновой бородѣ имама, его поселеніе въ Калугѣ,—все это совершилось еще такъ недавно, на нашихъ глазахъ. Съ мѣсяцъ назадъ газеты разнесли вѣсть о томъ, что Шамиль переѣхалъ на жительство въ Кіевъ. Это переселеніе его составитъ новый фазисъ въ подвижной и драматической жизни когда-то страшнаго предводителя горныхъ племенъ. Будущіе драматурги бу-

душихъ народныхъ театровъ не разъ, конечно, возмуть Шамиля предметомъ своихъ произведеній и пестрая публика съ усердіемъ и увлеченіемъ захлопаетъ торжеству русскихъ знаменъ. Но гораздо ранѣе, чѣмъ нашъ Гюнибъ, породнили насъ съ Кавказомъ наши классическіе поэты. Много искренняго вдохновенія и золотыхъ картинъ дали намъ Пушкинъ и Лермонтовъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, — и литературною собственностью нашею, если позволено такъ выразиться, сталъ Кавказъ еще съ 30-хъ годовъ.

Пусть потрудится читатель открыть любой эн-

Мельница на Курѣ.

циклопедическій лексиконъ для того, чтобы убѣдиться, что Тифлисъ столица Кавказа, что находится онъ подъ такими-то градусами долготы и широты, что стоитъ она на рѣкѣ Курѣ, имѣетъ столько-то жителей, церквей, мечетей и пр. Уступленный Россіи послѣднимъ царемъ своимъ Георгіемъ въ 1801 году, Тифлисъ пережилъ до того времени слишкомъ 13 вѣковъ (онъ основанъ Вахтангомъ въ 469 году, за 17 лѣтъ до паденія западной римской имперіи) и поступилъ слѣдовательно въ составъ нашего государства 1300 лѣтнимъ старикомъ.

Грузинка.

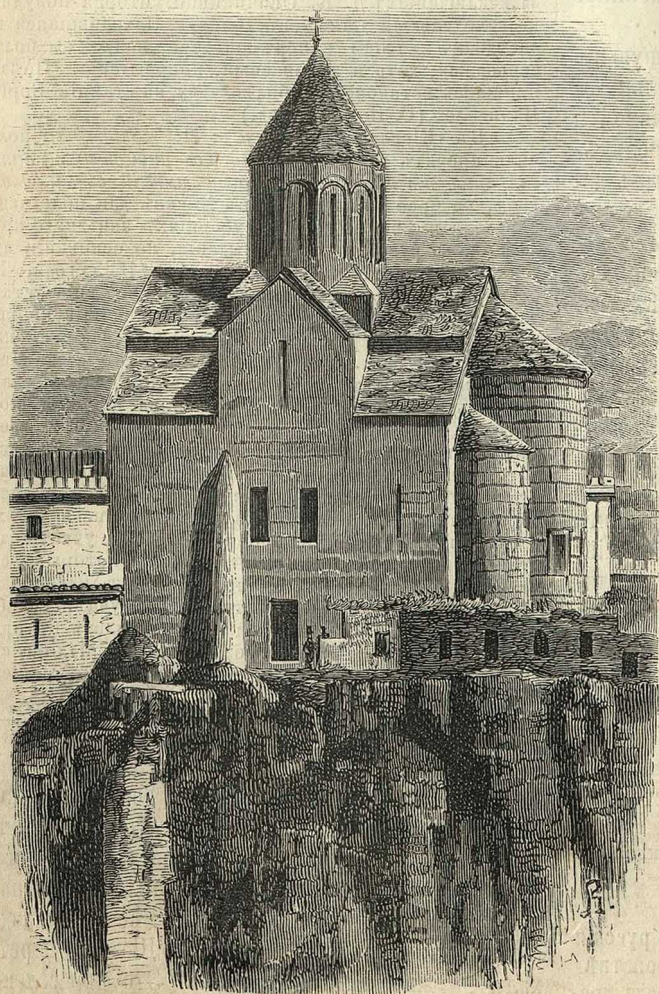
Минаретъ татарской мечети.

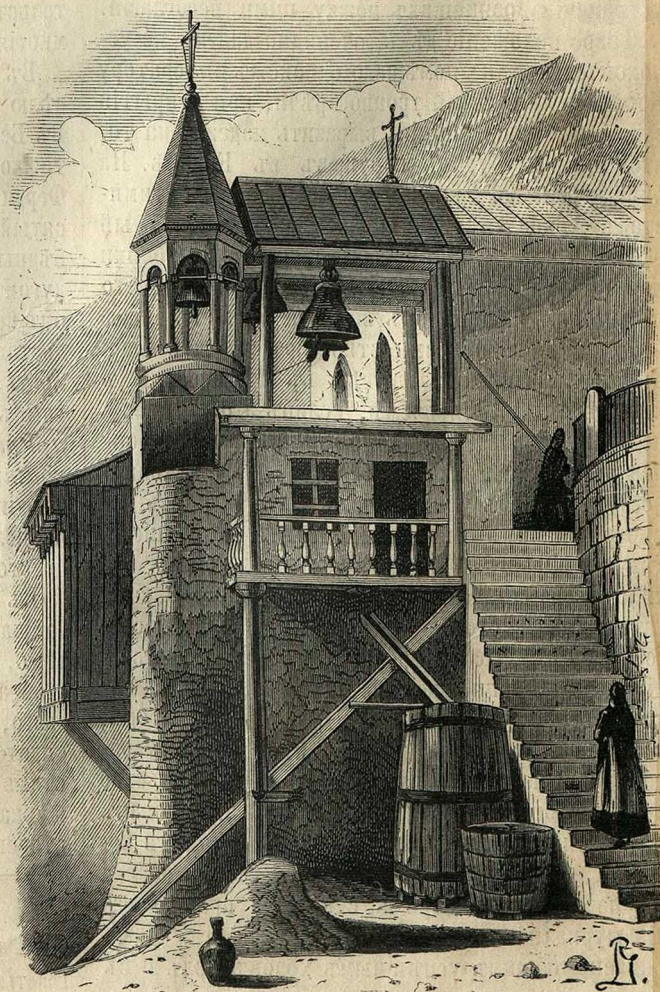
Грузинъ.

Многое пришлось испытать Тифлису на своемъ вѣку. На Кавказъ направленъ былъ этотъ громадный историческій толчокъ, извѣстный подъ именемъ «переселенія народовъ», — и Чингисъ-ханъ, взявъ Тифлисъ, разрушилъ его до основанія. Но города молодѣютъ точно также какъ и люди. Съ XVI вѣка перешелъ онъ въ собственность Турокъ, позже владѣли имъ Персы, — и обозначили это время еще однимъ, общимъ разрушеніемъ города. Въ наши дни Тифлисъ дожилъ, наконецъ, до періода европейской цивилизаціи, заявляющей себя устройствомъ мировыхъ учреждений и введеніемъ новаго судопроизводства.

Тифлисъ городъ неоспоримо красивый и неоспоримо типичный. Расположенный по обѣимъ берегамъ Куры, — замкнутъ онъ далекою цѣпью горъ, синѣющихъ на почтенномъ отъ города разстояніи. Метехскій замокъ (церковь котораго изображена на одномъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ),

Церковь при Метехскомъ замкѣ.

Колокольня монастыря св. Давида.

Татарка.

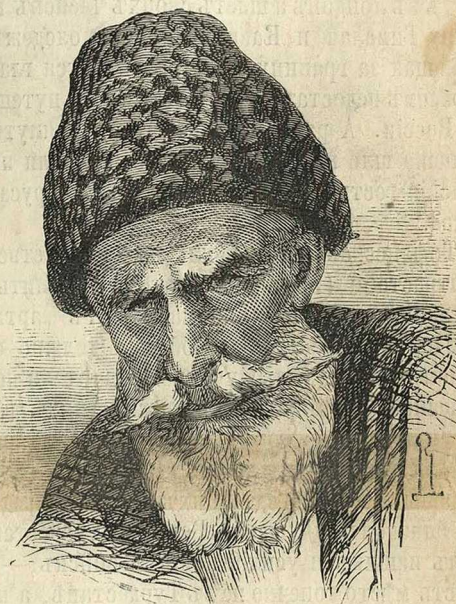
Пекарня.

Грек-ремесленникъ.

Татаринъ.

Армянинъ-купецъ.

Армяне и Греки, Турки и Черкесы, Русскіе и Татары (нѣкоторые типы даны нами въ прилагаемыхъ рисункахъ) — съ утра и до ночи движутся по этимъ улицамъ, и если гдѣ нибудь въ Россіи художникъ имѣетъ полную возможность составить себѣ богатый и разнообразный альбомъ, — такъ это именно въ Тифлисѣ.

«Кавказское племя» этотъ этнографическій терминъ получившій право гражданственности на всѣхъ языкахъ, — выбранъ былъ корифеями на-

Привалъ каравана

ки не напрасно. Типы черкесовъ и черкешенокъ во всѣхъ ихъ возрастахъ и званіяхъ, — отличаются неоспоримою красотою, и какою-то природною классичностью очертаній и движеній. Яркость одежды и вооруженія, игра камней и металловъ, какъ необходимая принадлежность каждаго одѣяннаго, красота нарядовъ, — и все это въ яркомъ свѣтѣ южнаго солнца, при хрустальности кавказскаго воздуха, — это такіе даннны для художника, — что намъ остается только сожалѣть о тѣхъ изъ нихъ, что бѣгаютъ въ Италію для отысканія единичныхъ натурщицъ, по темнымъ угламъ Кампаніи и Калабріи. Мы бы душевно желали чтобы наша Академія художествъ направляла стопы питомцевъ своихъ не на юго-западъ, а на юго-востокъ, вѣдь тутъ разниа въ одномъ только словѣ. Попутіи на Кавказъ, гдѣ равно умѣстны будутъ и скульпторъ и живописецъ, художникъ ознакомится и съ Россією и занесетъ въ свою память многія черты изъ нашей жизни, еще не початой для искусства и ожидающей своего Колумба. И отъ чего это, въ самомъ дѣлѣ, такое глубокое равнодушіе ко всему родному. Отъ чего нужно было ждать, чтобы два англичанина, а не русскіе, нынѣшнимъ лѣтомъ, впервые взшли на Эльбрусъ и Казбекъ, — и узаконили за этими горами право первенства въ Европѣ? Альпійскій клубъ засѣдаетъ въ Лондонѣ а шлетъ своихъ членовъ на вершину Гималая и Кавказа. Наша молодежь, рыскающая за границу, — отговаривается главнымъ образомъ недостаткомъ удобствъ при путешествіи по Россіи. А развѣ только что упомянутые англичане шли на удобства и рассчитывали на европейскія гостиницы въ ущельяхъ Эльбруса и Казбека?..

Тифлисская жизнь обильная художественными контрастами (просимъ читателя сравнить типы татарина, грека и армянина), даетъ картины на каждомъ шагѣ. Это разнообразіе должно со временемъ еще болѣе увеличиться. Читатели помнятъ конечно, что одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ для Россіи, — это развитіе транзитнаго пути черезъ Кавказъ. Соединеніе Европы и Азіи на здѣшнихъ рынкахъ предстоить въ близкомъ будущемъ. Развязка туркестанскихъ дѣлъ нашихъ и усилій нашихъ войскъ, — будетъ имѣть мѣсто конечно не въ Туркестанѣ, а на Кавказѣ. Здѣсь пуститъ свои корни великое дѣло торговли, здѣсь разовьются и окрѣпнутъ связи востока и запада, въ здѣшнихъ складахъ и по здѣшнимъ дорогамъ потянутся громадныя караваны, — и перельются и смѣшаются торговые богатства двухъ, даже трехъ частей свѣта. Дай Богъ, чтобы русскіе купцы поняли одно изъ своихъ настоящихъ призваній. Русское купечество, съумѣвшее произвести героическую личность Хлудова, такъ рано похищеннаго смертью, не остановится, конечно, въ своей производительности на одной этой личности. При той жизненности, которая отличаетъ послѣдніе годы русской исторіи, мы имѣемъ полное право надѣяться, что если не мы, то дѣти наши увидятъ преуспѣяніе Кавказа и начало его всемірнаго значенія. Правительство давно оцѣнило это значеніе недавно преобрѣтенной страны, — и время реформъ началось и для нея.

Мы упомянули выше о Метехскомъ замкѣ и церкви, поднимающейся въ немъ. Рисунокъ, прилагаемый нами, достаточно четокъ и вѣренъ для того, чтобы дать понятіе, — о такъ называемомъ «армянскомъ» стилѣ церквей. Романскій и готическій стили, такъ хорошо знакомые намъ по рисункамъ и фотографіямъ, стиль византійскій, заявляющій себя на каждомъ шагѣ по Россіи — изучены и изслѣдованы несравненно болѣе, чѣмъ стиль только что названный нами. Самое существованіе этого стиля признается далеко не всеми исторіографами искусства, основывающими свои выводы на большомъ количествѣ данныхъ. Данныхъ для изученія армянскаго стиля весьма мало, — и главная вина лежитъ неоспоримо на насъ русскихъ. Гладкія, неразчлененныя пилястрами стѣны, несложный планъ трехъ нефовъ — заканчивающихся вѣчными спутницами ихъ, абсида-

ми (вправо отъ зрителя, средняя большая, назначенная для главнаго алтаря), крутая крыша съ двумя скатами и башнею въ сѣдлѣ, круглая аркада какъ украшеніе, вотъ общій типъ армянскихъ церквей. Стиль этотъ дома тамъ, гдѣ дома армяне: на Кавказѣ, по сѣверу Малой Азіи, по сѣверному берегу Эгейскаго моря, въ Турціи и Греціи. Онъ имѣетъ много общаго съ византійскимъ, — но отличительная черта послѣдняго, — централизація постройки, несвойственнаго. Изученіе армянскаго стиля, хорошіе образчики котораго въ развалинахъ и въ церквяхъ, въ которыхъ еще совершается богослуженіе — разсыпаны по всему Кавказу, должно составить задачу русскаго изслѣдователя. Намъ приходилось слышать отъ офицеровъ, дѣлавшихъ экспедиціи, — объ особенномъ богатствѣ и численности развалинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа. Должно надѣяться, что фотографы и изслѣдователи когда нибудь подарятъ насъ изданіемъ рисунковъ и объясненіемъ ихъ.

Другой образчикъ, весьма характерный, представляемъ мы на судъ читателя въ колокольнѣ монастыря св. Давида. Первое, что бросается въ глаза, это сочетаніе въ одномъ и томъ же зданіи каменной и деревянной постройки. Это тоже не исключительный случай и нѣкоторымъ образомъ типъ, ведущій свое начало изъ далекаго прошедшаго. Монастыри Сиріи и Палестины, возникшіе чуть ли не во времена апостольскія, представляютъ тотъ же, характеръ, чисто мѣстный и отличающійся хозяйственностью своею. Та же хозяйственность, экономія введенная въ архитектуру, какъ полноправный сотрудникъ, отличала въ свое время города Нидерландовъ и другихъ центровъ великаго ганзейскаго союза. Помѣрь того, какъ росла семья и средства домовладѣльца, онъ прибавлялъ къ зданію галлерейки, вышки, свѣтлицы и полипообразное произведеніе переживало вѣка, сохраняя свой особенный, скученный, далеко не случайный характеръ.

Третій рисунокъ нашъ изображаетъ минаретъ татарской мечети. Луковичеобразный куполъ на рѣзанъ ананасомъ и наружная стѣна выложена цвѣтнымъ камнемъ. Читатель не можетъ не видѣть полнѣйшей противоположности между простотою метехской церкви и богатою одеждою минарета. На минаретѣ проявляется слабый отблескъ той пестроты и роскоши, которая отличаетъ архитектуру ислама, роскоши отразившейся и на византійской церкви, начиная отъ ея мозаики до богатыхъ рясы священнослужителей. Та же идея, которая руководила художникомъ въ украшеніи стѣнъ и башенъ минаретовъ въ Сиріи, Египтѣ и Испаніи, заявила себя и здѣсь, только скромнѣе и съ меньшею рѣзкостью. Въ области искусства столько же какъ и въ прочихъ явленіяхъ природы случайное немислимо, а если и появляется, то со всѣми признаками аномаліи и полнѣйшимъ недостаткомъ жизненности. Вѣдь и естественныя науки признаютъ уродства; странно было бы непризнавать ихъ въ искусствѣ. С.

Художники во Флоренціи.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

Отъ привычки каждый день видѣться, между мною и моею сосѣдкой, которую я называлъ выше флорентинкой, невольнo установились нѣкоторыя отношенія, конечно еще очень неопредѣленныя, но какъ будто уже налажавшія извѣстныя обязанности. Такъ наприимѣръ, какъ-то разъ я ѣздилъ за городъ на цѣлый день, и потому не могъ быть въ галлерей. На другой день я не нашелъ флорентинки на ея мѣстѣ. На третій день она явилась, но раскланялась со мною очень сухо, безъ обычной улыбки и противъ обыкновенія черезъ чуръ усердно принялась рисовать.

— Отчего вы не были вчера? спросилъ я.

— Развѣ я у васъ спрашиваю отчего вы не были третьяго дня! сказала она.

— Мнѣ кажется въ моемъ вопросе нѣтъ никакого преступленія.

— Да какое вамъ дѣло отчего я не была, когда вы даже имени моего не знаете?

— Въ такомъ случаѣ: извините за нескромный вопросъ.

Мы оба замолчали и рисовали чрезвычайно усердно. Но флорентинка первая не вытерпѣла. Черезъ полчаса она бросила карандашъ, повернулась бокомъ на стулѣ и облокотилась на спинку, стала смотрѣть на мое рисованіе. Я работалъ, какъ будто не замѣчая ея движенія.

— Такъ вамъ очень хочется знать, отчего я не была вчера, сказала она, немного погодя.

— Я пересталъ работать и откинулся на спину стула.

— Совсѣмъ не очень! Я спросилъ просто, чтобы сказать что нибудь, не думая обижать васъ своей нескромностью.

— Да я и не обидѣлась, сказала она улынувшись по прежнему. Вы сами виноваты, зачѣмъ не были третьяго дня и ничего мнѣ не сказали объ этомъ раньше.

— Вотъ что! Какъ же вы требуете, чтобы я васъ предупреждалъ, когда вы имени моего даже не знаете?

Флорентинка сначала надулась, но потомъ опять улыбка заиграла на ея губахъ.

— Оттого, что еслибъ вы были внимательный кавалеръ, такъ сами догадались бы предупредить меня. Я васъ учила рисовать, прибавила она засмѣявшись, такъ неужели мнѣ учить васъ и вѣжливости?

— Ну, положимъ что я виноватъ. Я не былъ третьяго дня, потому что утромъ меня пригласили за городъ. И не сказалъ вамъ — потому что наканунѣ еще и самъ не зналъ объ этой поѣздкѣ.

— Ну, а я вчера не была, потому что... потому что... не хотѣла быть. Вотъ и все. У меня голова болѣла.

Теперь и я, подобно флорентинкѣ, скажу: вотъ и все.

Какъ? спросятъ меня читательницы, только то? А романъ, а любовь, а интрига? Неужели послѣ такого интереснаго начала ничего и не было?

Ничего.

Я продолжалъ ходить въ галерею, рисовалъ, говорилъ съ своею сосѣдкой, съ старикомъ живописцемъ... и ничего.

Въ одинъ прекрасный день она не пришла. На другой день ее опять не было, на третій тоже, на четвертый тоже. Прошла недѣля, двѣ, три — флорентинки нѣтъ. Между тѣмъ мольбертъ ея, столъ, картонъ — все на своемъ мѣстѣ, не убирается, — ясно, что она будетъ.

Я не зналъ ни ея имени, ни адреса, и потому не смотря на все желаніе узнать почему она исчезла, ничего не могъ сдѣлать. Но, сознаюсь откровенно, мнѣ стало скучно безъ нее и я уже пересталъ рисовать, а заходилъ въ галерею только для того, чтобы узнать не пришла ли она. Но ее не было.

Въ самый день отъѣзда, часа за два до ухода машины, я зашелъ еще разъ въ галерею, проститься съ старикомъ живописцемъ и съ флорентинкой, если она придетъ. Но ее не было. Уходя оттуда, я встрѣтилъ на лѣстницѣ ея мать.

— Синьора!

— А, здравствуйте.

— Что съ синьориной, вашей дочкой, отчего она не ходитъ?

— Ахъ, синьоръ! она очень больна. У нея была горячка, но теперь, благодаря Бога, легче. Зайдите къ намъ, она будетъ очень рада васъ видѣть.

— Не могу: я сейчасъ уѣзжаю.

— Куда?

— Въ Россію. Кланяйтесь отъ меня синьоринѣ.

Ар. Эвальдъ.

Первая поездка Ильи Муромца.

Въ 1820 г., когда вышла поэма двадцатилетняго Пушкина «Русланъ и Людмила», въ «Вѣстникѣ Европы» явилась курьезная статейка въ защиту якобы оскорбленнаго поэмой эстетическаго вкуса. Авторъ, почувствовавъ «русскій духъ», какъ баба-яга набросился на него. «Вамъ извѣстно», писалъ онъ къ издателямъ «Вѣстника Европы», «что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наследство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя; то не должны-ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія». Затѣмъ авторъ объявляетъ, что онъ не противъ собиранія сказокъ и пѣсень, но съ тѣмъ, чтобы собиратели считали ихъ пустяками. «Но когда узналъ я, восклицаетъ онъ, что наши словесники приняли старинныя пѣсни *совсемъ* съ другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбилась въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манеръ: я вамъ слуга покорный. Чего добраго ждать отъ повторенія *болше жалкихъ, нежели смѣшныхъ* лепетаний?... Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?»

Оле ужаса! могъ-бы прибавить почтенный критикъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не ужаснуться въ 20-мъ году XIX столѣтія такой смѣлости, какъ было не прійти въ ужасъ, что образованные дворяне начинаютъ не только собирать и изучать, но и восхищаться пѣснями, годными только для мужиковъ! И гдѣ-же? Въ той странѣ, которая казалось забыла о своемъ прошломъ, въ которой писалось и печаталось о необходимости называться Россіи не Россіей, а Петровей! Ясно, что *просвѣщенные* россияне должны были почувствовать, что совершился нѣкоторый скандалъ и цитируемый нами критикъ именно все дѣло и объясняетъ скандаломъ. Вотъ къ какому заключенію приходитъ онъ послѣ многихъ разглагольствованій.

«Позвольте спросить:—съ очевиднымъ изумленіемъ говорить онъ—если-бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ борою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ-бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята!* Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины *снова появлялись* между нами! Штука грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а нисколько не смѣшна и не забавна. Dixi.»

Таковы были грозныя рѣчи просвѣщенныхъ стариковъ двадцатыхъ годовъ. Эти рѣчи вовсе не такъ пустышны, какъ то съ перваго раза покажется. Со времени появленія этой критики до «Дыма» Тургенева прошло безъ малаго 50 лѣтъ, и что-же? Современный романистъ рѣшился выставить какъ нѣчто серьезное рѣчи г. Потугина, издѣвающегося надъ народными пѣснями и былинами, и нашлись люди, утверждавшіе, что въ рѣчахъ этого желчнаго старичка (опять старичка!) слышны *лучшія* преданія критики 40-хъ годовъ! Потугинъ нѣсколько ловче старичка двадцатыхъ годовъ, но *суть* и у того и другаго одна. Тоже отрицаніе ради благоприличія, тоже глумленіе, тоже неумѣнье стать на научную точку зрѣнія, тоже воззваніе къ просвѣщенію XIX вѣка. Конечно, Потугинъ не прибѣгаетъ къ изображенію мужика въ лаптяхъ посреди московскаго общества, но дѣлаетъ нѣчто подобное. Сатирическую черту, насмѣшку, можетъ быть рѣзкую

и грубую, но по истинѣ аристофановскую, онъ выставляетъ, какъ серьезное отношеніе къ предмету; словомъ, дѣлаетъ тоже, что сдѣлалъ бы критикъ, принявъ воззрѣніе Земляники на леченіе больныхъ за серьезно-выраженное мнѣніе Гоголя. Или же отрицаетъ красоту образовъ въ былинахъ на томъ основаніи, что щепливый (франтоватый) Чурила изображенъ въ зимнемъ нарядѣ, что шапочка у него

Пушиста, ушиста, завѣсиста:
Спереди не видать лица бѣлаго,
Сзади не видать шеи бѣлой.

— Какой тутъ образъ для скульптора? восклицаетъ Потугинъ.

Конечно никакого, отвѣтимъ мы, но спросимъ: почему именно для скульптора? Отвѣта, конечно, никакого не послѣдуетъ. Если-бъ Потугинъ (а это имя—легіонъ!) вспомнилъ только, что приведенный имъ вариантъ записанъ въ олонекской губерніи, то понялъ-бы всю реальность описанія Чурилыной шапочки и увидѣлъ-бы, что шапочка эта въ былинѣ играетъ роль весьма случайную, что она *мѣстная* олонекская прибавка, и больше ничего.

Таковы-то наши строгіе цѣнители и судьи, утверждающіе, что они совершаютъ судъ во имя европейскаго просвѣщенія! Нѣтъ, европейское просвѣщеніе требуетъ научнаго отношенія, а наши Потугины самыхъ основъ науки не постигли.

Изъ всего сказаннаго, читатель видитъ, что много еще осталось чудаковъ, не признающихъ, чтобы искусство наше могло черпать матеріалы, образы и краски, изъ роднаго источника пѣсень и былинъ.

Такъ думала нѣкогда и критика, неумѣвшая находить красоту тамъ, гдѣ ей самой приходилось открывать ихъ, гдѣ мѣрки ея произвольныхъ теорій оказывались не по предмету, но не такъ думало искусство. Глинка давно сказалъ, что творитъ народъ, а художники только оркеструютъ. Въ этихъ простыхъ словахъ таится непреложная истина. Научная разработка вопроса объ источникахъ Шекспировой драмы показала, что фабулы онъ никогда не сочинялъ, бралъ ее почти цѣликомъ изъ лѣтописи или какого нибудь сборника повѣстей; этотъ остовъ онъ облакалъ въполнѣ кровью и плотью и въ тоже время одухотворялъ его, повѣряя народныя воззрѣнія началами христіанства. Стоитъ прочесть у Фрагеса Виктора Гюго, въ предисловіи къ его переводу Цемблина, какъ фабула этой драмы перемѣнялась у различныхъ авторовъ, бравшихся за ея обдѣлку, пока наконецъ не попала въ руки Шекспира. Шекспиръ не только придалъ жизнь сказкѣ, не только заставилъ дѣйствовать въ ней живыхъ людей и поставилъ самое происшествіе на задній планъ, но внесъ въ завязку идею христіанскаго примиренія вмѣсто идеи мести. Такое измѣненіе развязки можетъ произойти и безъ участія литературнаго гения, въ самой народной поэзіи, когда христіанскія начала любви и прощенія становятся неперемѣннымъ ингредиентомъ народной жизни. Единственный примѣръ этому—наша русская былина. Въ большинствѣ вариантовъ былинъ о Добрынь, онъ возвращаясь въ Кіевъ изъ поѣздки и видя, что обманутая жена выходитъ замужъ за Алешу Поповича, наказываетъ обманщика; въ нѣкоторыхъ вариантахъ, онъ прощаетъ его по слову Ильи Муромца. Точно также одинъ вариантъ пѣсни о Чурилѣ и Катеринѣ, оканчивается прощеніемъ, а не смертью любовника и невѣрной жены. Наши Потугины, обвиняющіе всѣхъ и вся въ недостаткѣ образованія, съ любовью отыскивающіе рѣзкія и грубыя выраженія въ пѣсняхъ,—не замѣчаютъ всего этого.

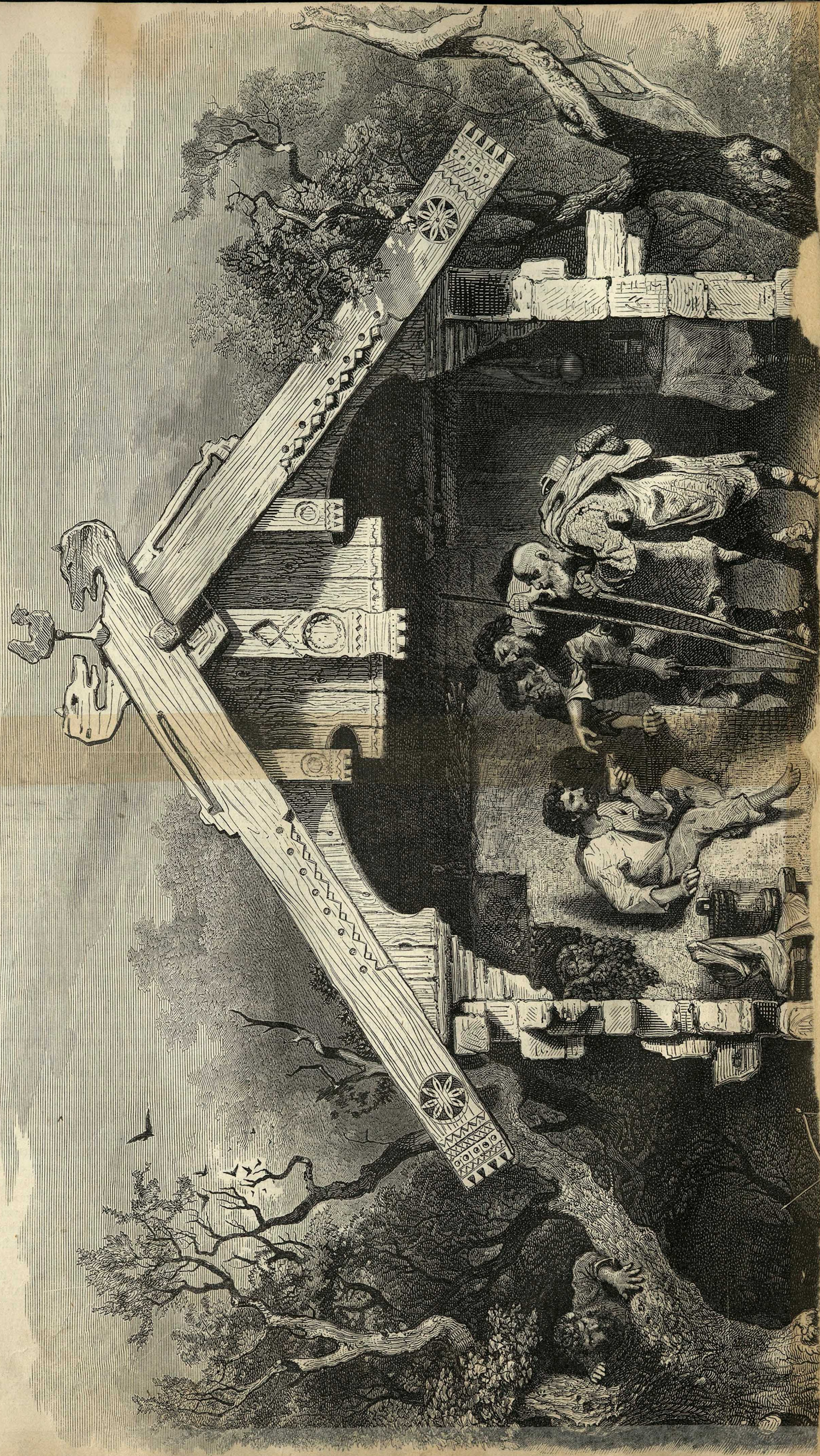
Но замѣчай они, или нѣтъ — дѣло отъ этого нисколько не измѣняется. Все таки остается тотъ фактъ, что народъ нашъ передалъ не только богатый, но и значительно разработанный матеріалъ для искусства. Наши художники (употребляя выраженіе Глинки) не могутъ пожаловаться, что имъ оркестровать нечего. Напротивъ, скорѣй можно пожаловаться, что они не умѣютъ оркестровать, не изучаютъ и не умѣютъ изучать произведеній народнаго творчества.

Не думая писать длиннаго изслѣдованія о томъ, что именно сдѣлано нашими художниками въ этомъ отношеніи, мы ограничимся только немногими указаніями, по нашему мнѣнію весьма характерными.

Наша критика рѣшила, что Русланъ и Людмила Пушкина есть сказка во вкусѣ Аріоста. Этотъ приговоръ считается непоколебимо-вѣрнымъ, а на дѣлѣ врядъ-ли это справедливо. Всякій, изучавшій серьезно эту полную юношеской живости и игривости поэму, конечно поражаема многими чисто-русскими сценами, русскими образами, нарисованными вѣрными красками. Вспомнимъ начало поэмы, пиръ во Владиміровой гридницѣ, Руслана передъ головой и Людмилу передъ зеркаломъ, — это-ли не русскія картины? Чистоплотный критикъ 20-хъ годовъ былъ вѣрнѣе позднѣйшихъ талантливыхъ изслѣдователей, когда почувствовалъ въ Русланѣ русскій духъ. Русланъ, конечно, не поразилъ-бы читающій русскій людъ, если-бъ въ немъ не было чего-нибудь новаго, оригинальнаго, роднаго. Сравните Руслана съ Громобоемъ или Свѣтланой, и вы увидите какой громадный шагъ сдѣлалъ Пушкинъ съ самаго появленія своего на литературномъ поприщѣ, какъ могущественно двинулъ онъ сразу всю нашу словесность. Онъ не могъ бы сдѣлать этого, если-бъ уже тогда не былъ проникнутъ народнымъ духомъ. Не явилось бы у него такого бойкаго живаго стиха, такого народнаго юмора, который мѣстами блещетъ въ поэмѣ, не любилъ бы онъ такъ своего Руслана и не написалъ бы къ нему въ 1829 году, въ періодъ своей зрѣлости, того удивительнаго пролога «У лукоморья дубъ зеленый», который составляетъ одинъ изъ блестящихъ перловъ пушкинской поэзіи. Замѣтимъ, что сомнѣніе въ томъ, что «Русланъ» есть подражаніе Аріосту высказано впервые въ 30-хъ годахъ и—что весьма любопытно—не русскимъ, а нѣмцомъ, именно Фарнгагеномъ фонъ-Энзе.

«Русланъ» опредѣляетъ дальнѣйшую дѣятельность Пушкина, объясняетъ, почему въ концѣ своей дѣятельности онъ обращается снова къ сказкамъ. Просвѣщенная критика ничего не замѣтила въ этихъ сказкахъ, ни даже самаго яркаго, напр. юмора и удивительнаго русскаго языка, до котораго такъ далеко всѣмъ передразнивателямъ народнаго говора. Не даромъ великій дѣятель въ другомъ искусствѣ, М. И. Глинка обратилъ вниманіе на Руслана. Выборъ подобнаго сюжета обычно объясняютъ капризомъ гениальнаго композитора. Люди, привыкшіе судить по рутинѣ, удивляются, какъ можно было отнестись серьезно къ Руслану. Но великая опера указываетъ, что именно такъ, а не иначе долженъ былъ отнестись композиторъ къ сюжету. Даже тѣ, кто хулитъ оперу за то, что она не подходитъ подъ мѣрку Вагнеровской теории музыкальной теории,—даже они отдѣльныя нумера музыки считаютъ гениальными! Но не бываетъ того въ природѣ, чтобы часть организма была прекрасна, а весь онъ былъ сдѣланъ механически. Послѣдователямъ разныхъ теорій не дурно бы обратиться къ изученію живой природы и живаго искусства, повѣрить свои измышленія путемъ опытнаго изслѣдованія и тогда они убѣдятся, какъ самыя умныя теоріи оказываются несостоятельными въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя требуютъ изученія фактовъ.

Примѣръ «Руслана»—показываетъ къ какимъ великимъ послѣдствіямъ приходитъ искусство, когда оно серьезно относится къ своему истому родоначальнику—народной поэзіи. Ибо всѣ произведенія, не проникнутыя народнымъ духомъ, являются наростами на искусствѣ, будь-то Сумароковская трагедія, или вещи умныя, но сочиненныя, а не сотворенныя. «Русланъ» у Пушкина явился только литературнымъ опытомъ, пробой пера такъ сказать, но въ немъ многое нарисовано правдиво, вѣрно, народно; «Русланъ» заставилъ Пушкина отнестись серьезно къ народному творчеству; не изучай онъ пѣсень, сказокъ, говора даже, не было-бы у него такого яснаго, свѣтлаго,

ПЕРВАЯ ПОВЗДКА ИЛИ МУРОМЦА.

Рисунок профессора И. И. Соколова.

Резать на дереве гравёр Его Императорскаго Величества Академикъ Л. А. Сериковъ.

прочного языка, не было-бы тѣхъ всякому русскому родныхъ образовъ. Тотъ-же «Русланъ» дѣйствуетъ, хотя косвенно, на развитіе музыки. Является одна изъ величайшихъ на свѣтѣ оперъ. Глинка, какъ великій художникъ, понялъ въ юношеской поэмѣ Пушкина только серьезное и народное, и его музыка имѣетъ глубокое значеніе. Образы сказки получили необычайную правдивость: самъ Русланъ вышелъ истымъ русскимъ богатыремъ; прелесть характера Людмилы до селѣ неоцѣнена критикой. Обычно, въ женскихъ характерахъ ищутъ не типа, а отношенія автора къ женскому вопросу, или покрайности того, какъ авторъ вообще смотритъ на женщинъ. Отъ этого происходитъ невообразимая путаница. Съ такой точки зрѣнія, Глинкинская Людмила ничего въ себѣ не заключаетъ. Но Глинка художникъ, а потому рисуетъ живую женщину, какою она является въ русской жизни. Онъ самъ называлъ Людмилу «милой барышней», и этимъ опредѣлилъ весьма удачно ея характеръ. Именно миловидность составляетъ главную основу всего Людмилиного характера. Не виѣшность только миловидна, нѣтъ, она обладаетъ душевною миловидностью, если позволено такъ выразиться. Стоитъ только вспомнить игривый, ласкающій и въ тоже время подсмѣивающійся, мотивъ утѣшенія, съ которымъ она обращается къ Фарлафу (Не сердися, Фарлафъ); даже въ энергическихъ мѣстахъ («Я Кіева гордость») сохраняется та же миловидность.

Но мы увлекаемся, — а какъ не увлечься, говоря о Глинкѣ?

И такъ, музыка и поэзія въ Россіи стали на ноги, какъ только обратились къ источникамъ народного творчества. Дѣло это продолжается, и ничто ему не вредитъ такъ, какъ желаніе фотографировать виѣшность русскаго народа, забывая о душѣ; какъ занесеніе въ литературный языкъ всѣхъ жаргонныхъ искаженій говора. Нѣкоторые думали поправить это дѣло тѣмъ, что произведенія изъ русской исторіи начали писать газетнымъ слогомъ, то есть искажать родной языкъ иностранными оборотами. Истинную заслугу въ этомъ отношеніи оказалъ Н. А. Чаевъ; его драмы написаны настоящимъ русскимъ языкомъ, безъ всякихъ излишнихъ украшеній и уснащеній, а многіе мѣста въ «Свекрови» замѣчательны истинно-пушкинской простотой и чистотой языка.

Въ музыкѣ дѣло также не обошлось безъ искаженій. Лакейская пѣсня стала фигурировать въ операхъ на равнѣ съ народной; пѣвучесть русской рѣчи замѣнилась какими-то дикими вскриками въ речитативахъ и т. д. Но и въ музыкѣ были достойные хранители священнаго огня: стоитъ назвать А. С. Даргомыжскаго.

Таково было отношеніе словесности и музыки къ народному творчеству. Въ другихъ искусствахъ оно было другое. Въ архитектурѣ явился, правда, высочайшій даровитѣль Горностаевъ, о которомъ мы надеемся скоро поговорить подробнѣе, — но живопись? Переберите сюжеты русскихъ живописцевъ, и вы не вспомните ни одного взятаго изъ народной пѣсни. Мы гордимся, представляя, если не ошибаемся, первый опытъ картины, сюжетъ которой взятъ изъ былины. Она сдѣлана извѣстнымъ нашимъ художникомъ, профессоромъ И. И. Соколовымъ и воспроизведена на деревѣ однимъ изъ лучшихъ современныхъ гравировъ А. А. Сѣряковымъ, о значеніи котораго въ граверномъ искусствѣ, къ сожалѣнію знаютъ болѣе за границей, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ.

Художникъ изобразилъ такъ называемую первую поѣздку Ильи Муромца. Всѣмъ извѣстно, какъ Илья сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года, какъ онъ вскочилъ на рѣзвы-ноги, послѣ питья, даннаго ему тремя старцами, и какъ побѣдилъ Соловья-Разбойника. Художникъ, не пускаясь въ мифологическое значеніе былины объ Ильѣ (которое не сомѣнно), взглянулъ на дѣло съ реальной стороны, и въ этомъ отношеніи, сколько мы понимаемъ, многое удалось ему, какъ нельзя лучше. Фигура присвистывающаго Соловья очень типична: на лицѣ его и злость, и грубость, и въ тоже время какая-то залихватская, истинно — разбой-

ническая удалъ. Спокойная фигура Ильи поражаетъ своей могучею, скрытою силою, той силою, которую недавно «Athenaeum» весьма удачно сравнилъ съ русскими рѣками, повидимому спокойными и тихобѣгущими, но въ сущности съ сильнымъ теченіемъ, многоводными и глубокими. Художникъ нѣсколько отступилъ отъ подлинника, изобразивъ князя и княгиню, не упавшими; на рисункѣ, Ильѣ, крестьянскій сынъ, поддерживаетъ князя въ «бѣдѣ неминуемой». Эту идею надо признать весьма удачною. Въ комическомъ положеніи только хвастливые бояре, разливавшіеся (по удачному выраженію Грибоѣдова) въ пирахъ и мотовствѣ. Читатель, конечно, помнитъ, что Илья на первой своей поѣздкѣ не только очистилъ дорожку къ Кіеву, убивъ Соловья, но освободилъ Черниговъ и отказался отъ всякой награды за это; его разсказу объ этомъ бояре не вѣрятъ; тогда онъ заставляетъ свиснуть Соловья только въ полъ-свиста, и хвастливые невѣры падаютъ на землю и ползаютъ «окарачь» по двору.

Считаемъ долгомъ прибавить, что рисунокъ этотъ не только сдѣланъ и вырѣзанъ на деревѣ русскими художниками, но и отпечатанъ въ русской типографіи г. Траншеля. Читатель можетъ сравнить его съ снимкомъ съ картины Рубенса, рѣзаннымъ въ Парижѣ и помѣщеннымъ въ этомъ-же номерѣ «Иллюстраціи».

И такъ, починъ сдѣланъ: русскій живописецъ обратилъ наконецъ вниманіе на русскія былины. Поле остается еще широкое: почва богатая, жатва обширная, — гдѣ же дѣлатели, гдѣ жнецы? Не бѣдна русская земля талантами, писалъ когда-то Бѣлинскій, разбирая стихотворенія А. Н. Майкова, вышедшіе вскорѣ послѣ смерти ранопогибшаго Лермонтова. То же скажемъ и мы. Русское художество скоро убѣдится, что на воздухѣ, безъ почвы подъ ногами, долго оставаться нельзя. Живописцамъ особенно советуемъ приняться за изученіе былины, пѣсень и сказокъ; это необходимо и для сюжетовъ изъ современной жизни. Надо знать духъ народа, а не одно его наружное обличіе, а гдѣ лучше, полнѣе и глубже выражается народный духъ, какъ не въ пѣснѣ?

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Петербургская жизнь.

Театры. — О Нижегородцахъ не съ музыкальной точки зрѣнія. — «Вѣсть» 1612 г. — Формула крѣпостниковъ. — Старинные и современные хоры. — Либрето г. Калашникова. — «Фроль Скабеевъ». — Отзыви о ней публики и печати. — Содержаніе. — Неудача нѣкотораго рецензента. — «Новое Время» и щетка. — Г. Юматовъ и полтеръ. — Слухи.

Оцѣнку новой русской оперы «Нижегородцы», съ музыкальной стороны, читатели найдутъ въ этомъ же номерѣ Иллюстраціи, въ статьѣ спеціального музыкальнаго критика; мы же хотимъ только сказать нѣсколько словъ о ея либретто и о томъ, какъ отнеслась къ этой оперѣ публика. Либретто оперы Нижегородцевъ, какъ мы уже говорили, можетъ быть причислено къ числу очень неудачныхъ и неблагоприятныхъ. Оно во первыхъ, написано въ самомъ худшемъ родѣ, т. е. скупо, а выборъ этого рода не оправдывается ни патріотизмомъ, ни претензіями на сурьезность. Вся драма или все дѣйствіе оперы и начинается и кончается въ 4 актѣ. Въ предшествующихъ ему актахъ идетъ только экспозиція, подготовленіе драмы, медленное и эпизодическое; а послѣдній актъ — пятый, представляетъ вполне хвостъ и притомъ очень неловко подшитый къ драмѣ. Такая неловкая постройка либретто не мало расхолаживаетъ слушателей и наводитъ на нихъ, можетъ быть почтительную, можетъ быть благочестиво-патріотическую, но все таки скуку, съ ея спутникомъ зѣвотою.

Разскажемъ вкратцѣ содержаніе, или, какъ говорятъ барышни, сюжетъ оперы и тѣмъ оправдаемъ нашъ строгій приговоръ. Дѣйствіе происходитъ въ 1612 году. Бояринъ Невзгода Кура-

товъ (г. Никольскій), «изъ чувства дружбы къ Гонсѣвскому» везетъ его письмо къ князю Боровскому и встрѣчается на дорогѣ съ купцомъ Волковымъ (г. Васильевъ), который также везетъ очень интересныя бумаги, а именно воззваніе Ермогена, везетъ его въ Нижній-Новгородъ. Встрѣча ихъ происходитъ подъ самой усадьбой Боровскаго, въ принадлежащемъ ему селѣ. При этой встрѣчѣ оказывается слѣдующее: во 1-хъ, что бояринъ Куратовъ не имѣетъ твердыхъ политическихъ убѣжденій и надѣется на умиротвореніе Руси цѣною примиренія съ поляками и присягою Владиславу, съ чѣмъ купецъ Волковъ, какъ человѣкъ земскій, «почвенный», согласиться не можетъ; во 2-хъ, что бояринъ Куратовъ соединяетъ въ себѣ сердце голубя съ мужествомъ льва; онъ открывается Волкову въ своей нѣжной любви къ дочерѣ кн. Боровскаго и спасаетъ Волкова отъ смерти, когда на него нападаютъ слуги Боровскаго, чтобы отнять отъ него грамоты Ермогена; при чемъ народъ, запуганный Боровскимъ, ведетъ себя съ недостойнымъ малодушіемъ и не только не осмѣливается оказать Куратову никакой помощи, но проситъ его же заступничества передъ Боровскимъ и оправданія въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Въ слѣдующемъ актѣ мы видимъ самого Боровскаго. Это одинъ изъ подписчиковъ, или патроновъ «Вѣсти». Изъ перваго акта мы убѣдились въ какомъ крѣпостническомъ страхѣ и почтеніи держитъ онъ народъ, или «чернь». При самомъ поднятіи занавѣса 2-го акта, мы его застаемъ пирующимъ среди гостей, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько поляковъ въ ихъ національномъ костюмѣ; остальные же русскіе бояре, передавшіеся Польшѣ. Они кричатъ «вивать!» и пьютъ здоровье законнаго царя русскаго Сигизмунда. Кромѣ того, мы знаемъ, что это онъ же приказалъ арестовать, т. е. порѣшить Волкова и произвести у него, т. е. на немъ обыскъ для отобранія вредныхъ бумагъ Ермогена и наконецъ онъ такъ выражается о русскихъ «босоногихъ патріотахъ» того времени:

Я бѣ мечемъ и огнемъ
Съ ними рѣчи повелѣть,
Я бѣ по бревнамъ разнесъ
Ихъ крамольничій станъ....
Я достигъ бы того,
Что толпа крикуновъ
Пали бѣ ницъ предо мной,
О пощаду моля.

Такимъ образомъ мы видимъ, что онъ достаточно обнаруживаетъ столь желательную для «Вѣсти» — «силу воли и энергію дѣйствія». «Въ эту бурю... кормчій твердый нуженъ намъ», поетъ онъ далѣе и все больше и больше обнаруживаетъ свою солидарность съ завѣтнѣйшими стремленіями г. Скарятинъ и его хозяевъ. Съ Куратовымъ онъ главнымъ образомъ расходится въ томъ, что Куратовъ стоитъ за Владислава, а его сіятельство за Сигизмунда. Но это не мѣшаетъ имъ, слѣдуя желанію Гонсѣвскаго, ѣхать вмѣстѣ въ Нижній-Новгородъ, чтобы побудить нижегородцевъ присягнуть Владиславу. Послѣдующимъ за ними и объѣхавши, для сокращенія третій актъ, остановившись прямо на четвертомъ. Дѣйствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Площадь обставленная домами. На заднемъ планѣ виднѣется нижегородскій кремль. По одной сторонѣ сцены хоромы боярина Куратова, по другой — церковная паперть. На сценѣ народъ и народу этому говоритъ свою рѣчь Мининъ-Сухорукъ, сбросившій свой дорожный псевдонимъ купца Волкова. О чемъ онъ говоритъ — вы знаете: заложимъ свои имѣнія, продадимъ нашихъ женъ, дѣтей и пр. Слушалъ я густой басъ Васильева и размышлялъ при этомъ такъ: что, если бы изображаемое дѣйствіе происходило не въ 1612 г., а въ наше время, что если бы Россію вновь посѣтила тяжкая година и новый Мининъ предложилъ бы намъ сдѣлать тоже, на что звалъ Мининъ историческій, что отвѣчали бы мы ему? «Заложимъ свои имѣнія!»... Хоръ: они уже давно заложены и перезаложены. «Продадимъ нашихъ женъ!» Хоръ: Пожалуй! да кто ихъ купитъ?... Но въ 1612 году хоры пѣли совсѣмъ

другое и слушая это другое и рѣчи Минина, Куратовъ совсѣмъ отдается ему, а Боровской злоумышляетъ убить Куратова. На него нападаютъ холопи князя, одного изъ которыхъ Куратовъ ранить на смерть. Собирается народъ, которому холопъ открываетъ измѣну Боровскаго. Народъ бѣжитъ схватить измѣнника, но тотъ уже успѣлъ скрыться, а вмѣсто него попадаетъ въ руки разъяренной черни, дочь Боровскаго, Ольга, невѣста Гонсѣвскаго, но любящая Куратова имъ взаимно любимая. Народъ хочетъ ее повѣсить; Куратовъ за нее заступается, но такъ неудачно, что чуть самъ не платится головой. Выручаетъ всѣхъ изъ бѣды и недоразумѣнія Мининъ. Онъ называетъ народу Ольгу невѣстой Куратова, и затѣмъ ведетъ ихъ въ церковь, гдѣ ихъ и обвѣнчиваютъ. Тутъ и сказкѣ конецъ. Но по либретто неизвѣстно зачѣмъ въ 1-й картинѣ 5 акта князь Боровской похищаетъ обманомъ дочь свою изъ монастыря, въ который ее помѣстилъ Куратовъ въ ожиданіи освобожденія Москвы; привозитъ ее въ московскій кремль къ полякамъ, гдѣ потомъ, когда выгоняютъ поляковъ, а его самого убиваютъ, она и встрѣчается съ своимъ мужемъ. Это совершенно ненужная и скучная приставка, растягивающая и безъ того страшно длинную оперу. Кончается она торжественнымъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Кремль. На сценѣ и Мининъ и Пожарскій. Стихами либретто написано довольно изрядными, но (относительно) какой то смѣсью языка народнаго съ литературнымъ, т. е. вѣрнѣе поддѣлкой подъ народный языкъ; попадаются выраженія ни тому ни другому языку не принадлежащія, въ родѣ скорбь *долитъ* мнѣ сердце.

Первое представленіе оперы прошло съ большимъ успѣхомъ. Автора вызывали и поднесли ему цѣнные подарки. Опера возбуждаетъ большое любопытство въ обществѣ и на представленія ея впередъ записываются; что же касается до ея ненужныхъ длиннотъ и скуки, то большинство зрителей съ почтеннымъ самоотверженіемъ переносятъ послѣднюю, считая скуку необходимой стихіей, какъ серьезной музыки, такъ и народныхъ пѣснь; другіе же въ этой скукѣ боятся сознаться и утѣшаются красотами инструментовки, оригинальностью оркестровки и прочими, для массы не совсѣмъ доступными, прелестями.

Переходимъ къ комедіи г. Аверкіева «Комедіи о российскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей Нардынѣ-Нащокина дочери Аннушкѣ», данной въ бенефисъ г. Самойлова. Отношенія автора этого произведенія къ настоящему изданію мѣшаютъ намъ войти въ подробную оцѣнку этой комедіи, дѣлая неловкимъ всякую похвалу ей, а потому мы ограничимся только краткимъ рассказомъ ея содержанія и передачей тѣхъ толковъ, которыя она вызвала въ обществѣ и въ печати. Во первыхъ, общій голосъ утверждаетъ, что комедія эта разрушила предразсудокъ, существовавшій въ обществѣ относительно драмъ и комедій изъ древне-русскаго быта, по которому, какъ мы только-что сказали, главная дѣйствующая роль въ нихъ считалась всегда принадлежащей скукѣ, — трагической ли, патріотической, благочестивой или эпической, — но непременно скукѣ; она доказала возможность выводить живыхъ русскихъ людей и при живыхъ, а не стереотипно-учебническихъ къ нимъ отношеніяхъ. Глядя на эту пѣсню сознаешь, что авторъ въ мірѣ своихъ героевъ чувствуетъ себя какъ дома, обращается съ ними совершенно за-просто, что они для него такіе же *свои* или обыкновенные люди, какъ современные намъ люди, для авторовъ пѣснь изъ современнаго быта. А это значитъ много послѣ того, что во всѣхъ почти другихъ пѣсахъ изъ древне-русскаго быта (въ томъ числѣ и въ «Мамаевомъ побоищѣ» самого г. Аверкіева) неловко слышалась какая-то напряженность, несвободность авторовъ, точно они писали драмы изъ испанской или вообще иностранной жизни и отсюда шла невѣрность и приподнятость тона ихъ лицъ и рутинность пріемовъ въ изображеніи характеровъ. Публика смотрѣла, скучала, полагала,

что такъ оно и слѣдуетъ, что съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь, потому что «въѣдъ это изъ русской жизни», на представленіяхъ же «Фрола» публика сживается съ дѣйствующими лицами, отъ души хохочетъ ихъ смѣхомъ и чувствуетъ ихъ чувствами.

Главное дѣйствующее лицо этой комедіи Фролъ Скобѣевъ, бѣдный дворянинъ, захудалого рода, по характеру своему всѣмъ намъ знакомый и близкій типъ. Это человѣкъ по натурѣ своей очень хорошій: богато-одаренный отъ природы, умный, способный на прекрасныя душевныя движенія, вообще, что называется широкая натура; а по обстоятельствамъ жизни плутъ изрядный или по старинному — «воръ», т. е. изъ тѣхъ людей, которымъ, что говорится, пальца въ ротъ не клади. Да и какъ ему не быть плутомъ, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находится, когда эта плутоватость его единственная и оборона и орудіе? Задумавъ Фролъ въ люди выйти и для этого выкрадываетъ дочь боярина Нардынѣ-Нащокина и женится на ней; отецъ, посерчавши, прощаетъ, благодаря новой плутнѣ Фрола, научившаго жену свою прикинуться больной, яко бы отъ родительскаго гнѣва; а черезъ Фролову свадьбу устраивается и сестра его, достойная сестра брата, Варя, выходя замужъ за сына другого боярина, котораго она давно любила и отецъ котораго, послѣ того, что Фролъ породнился съ такимъ большимъ человѣкомъ какъ Нардынѣ-Нащокинъ, соглашается на бракъ своего сына съ сестрою Фрола. Вотъ «сюжетъ» этой комедіи въ нѣсколькихъ словахъ. Успѣхъ она имѣла рѣдкій; рѣдкій по единодушію похвалѣ печати и публики. Исключеніемъ изъ этого являются только нѣкоторыя благочестивыя родители, оскорбляемые не серьезнымъ отношеніемъ автора къ родительскому проклятію на ослушную дочь, выходящую замужъ безъ ихъ благословенія, точно проклятіе ради того, что не удалось выдать дочку за богатаго, такое святое дѣло, что не смѣи надъ нимъ и пошутить, да еще тѣмъ, что въ комедіи этой нѣтъ никакой морали, и пороки въ лицѣ Фрола, не только что не наказываются, но, о ужасъ! устраивается къ концу комедіи очень счастливо; но на это имъ можно замѣтить, что если Фрола простилъ уже самъ оскорбленный имъ старикъ Нащокинъ, полюбила его дочь, свѣтлая Аннушка, души въ немъ не чаешь другъ его Лычиковъ и простые бѣдные люди, которыхъ онъ заступникъ — то и имъ строгимъ моралистамъ можно простить его, что вѣрно онъ не такъ пороченъ какъ кажется. Не одобрилъ комедіи также случайный рецензентъ Голоса (рецензентъ только на одинъ вечеръ, только на эту комедію) отказавши ей во всякой правдѣ художественной и исторической и впомиавши по поводу ея о собраніи русскихъ легендъ Афанасьева. Это ловкое напоминаніе для тѣхъ, кто знаетъ судьбу, постигшую собраніе Афанасьева, достаточно свидѣлствуютъ о порядочности и тактѣ случайнаго рецензента и заставляютъ пожалѣть о невниманіи редакціи, пропускающей на своихъ столбцахъ такія некрасивыя выходки. Случайный рецензентъ можетъ, конечно, пожалѣть, что комедію г. Аверкіева не постигла та же судьба, что «Отрѣзанный Юмότη» г. А. Потѣхина. Судя по слогу, рецензія на «Ломоть», помѣщенная въ свое время въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» принадлежитъ тому же перу и попала въ печать также случайно. Пьеса разыграна была очень удовлетворительно. Не говоря объ удивительной игрѣ Самойлова, исполненной жизни, неподдѣльнаго юмора, даже второстепенныя роли были переданы очень хорошо, особенно роль Вари въ исполненіи г-жи Подобѣдовой 2; послѣ такой игры остается только желать видѣть эту умную и талантливую актрису какъ можно чаще на нашей сценѣ. Роль Аннушки пришлась очень хорошо г-жѣ Яблочкиной; ея женственная грація и лучезарная красота шли какъ нельзя больше къ тому тепличному, теремному цвѣтку, какой она изображала.

Окончимъ этотъ фельетонъ двумя выводами, о которыхъ толкуютъ въ обществѣ: первый —

этотъ выводъ г. Юматова, одни говорятъ изъ заблужденія, другіе изъ собранія славянскаго комитета, куда онъ явился съ Новымъ Временемъ, но безъ всякаго права; другой выводъ — это кучера или полотера изъ перваго ряда креселъ итальянской оперы, куда тотъ явился съ билетомъ, слѣдовательно и полнымъ правомъ, но показанію нѣкоторыхъ со щеткою; другіе же утверждаютъ, что щетки никакой не было, а вывели его за костюмъ, присвоенный его должности; третьи же увѣряютъ, что это г. Юматовъ явился въ собраніе славянскаго комитета со щеткою, а полотерь или конюхъ итальянской оперы — съ «Новымъ Временемъ», — но я имъ не вѣрю. Не вѣрю я и тому, что, говорятъ, будто г. Юматовъ былъ послѣ того съ визитомъ у этого конюха и предложилъ ему нанять общаго адвоката, (указываютъ на г. Лохвицкаго) для преслѣдованія судебнымъ порядкомъ выводившихъ ихъ лицъ; при чемъ замѣчаютъ, что конюхъ будто-бы отказался отъ такой солидарности съ г. Юматовымъ, находя совершенно основательно, что онъ отъ этого можетъ только проиграть, такъ какъ его дѣло правое и онъ можетъ вполне надѣяться выиграть свой процессъ, а г. Юматовъ этой надежды имѣть не можетъ. Но все это должно быть вздоръ. Со всѣмъ нельзя полагаться на Петербургскіе слухи.

Поклоненіе царей.

(съ картины Рубенса).

Петръ-Павелъ Рубенсъ (1577—1640) составляетъ одно изъ самыхъ яркихъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, явленій въ исторіи живописи. Въ теченіи долгихъ вѣковъ развитія европейской живописи изъ византийскихъ формъ и средневѣковой схоластики встрѣчаются личности болѣе гениальныя, болѣе могучія, болѣе многостороннія чѣмъ Рубенсъ, — но личности болѣе блестящей, эффектной, пестрой, трескучей, если позволено будетъ такъ выразиться — нѣтъ.

Дѣятельность Рубенса, сосредоточивающаяся въ концѣ 16 и первой половины 17 вѣка, должна составить предметъ отдѣльной, самостоятельной статьи, и мы надѣемся незамедлительно и передать ее на судъ читателей. До тѣхъ поръ должны мы довольствоваться нѣсколькими общими замѣчаніями и самою легкою характеристикой.

На долю Нидерландовъ пала завидная участь стать дважды во главѣ общеевропейскаго развитія живописи. Первый разъ заявили себя Нидерланды въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ; стоитъ только назвать имена братьевъ Ванъ-Эйкъ — и изобрѣтеніе ими масляной краски, — для того, чтобы понять все значеніе этого времени. Изобрѣтеніе это было вопросомъ жизни для живописи, не имѣвшей до того — ни яркихъ колеровъ, ни колорита, ни легкости работы. Художникъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ употребленіемъ медовыхъ, водяныхъ, восковыхъ и проч. красокъ, и самое чистое вдохновеніе, самый сильный талантъ оказывались неспособными въ преодолѣніи исключительнаго механическаго и технической стороны работы.

Вслѣдъ за братьями Ванъ-Эйкъ и ихъ школою, Нидерланды сходятъ со сцены и передаютъ неоспоримое первенство Италиі. Это конецъ 15 и первая половина 16 вѣка. Масляная краска была почвою на которой выработались личности Хирландайо, Перуджино, Рафаэля, Л. Винчи, А. Сарто, Г. Рени и многихъ другихъ. Къ концу 16 вѣка Италия, какъ-бы утомленная произведеніемъ на свѣтъ великихъ художниковъ, забываетъ ихъ правила и цѣлыя толпы маньеристовъ и почитателей стилиа іезуитовъ, замѣняютъ собою только что отошедшихъ великихъ учителей. Художественная жизнь передается Франціи и Нидерландамъ, это время вторичнаго значенія родныхъ Ванъ-Эйковъ, обусловленное Рубенсомъ, Рембрандтомъ, Ванъ-Дикомъ, Теньеромъ и флангою кабинетныхъ живописцевъ.

NEOGRAPHE COMTE.

Рубенсъ, — полурыцарь, полубуржуа, любитель счастья и женщин, дипломат и живописец, человекъ умѣвший жить и наслаждаться жизнью, — онъ видѣлъ въ своемъ талантѣ — средство, въ своемъ умѣнии пользоваться имъ — задачу жизни, въ своей славі — необходимую и должную дань современниковъ. Изъ этихъ общихъ чертъ его характера объясняются и двѣ главныя, отличительныя черты его таланта: полнѣйшее отсутствіе чувства, и преобладающее, давящее веѣ остальные стороны искусства значеніе формъ и красокъ. Рубенсъ весь въ формахъ и краскахъ, и, если форма и краски составляютъ жизнь, Рубенсъ, весь — жизнь.

Говорятъ, что оригинальность необходимое условіе таланта, — въ такомъ случаѣ, Рубенсъ талантъ первой величины. Кто разъ только видѣлъ его работу, кто стоялъ передъ этими полувакхическими святыми его, передъ этими мясистыми голландцами во всевозможныхъ и невозможныхъ одеждахъ, передъ этими круглыми плечами и румяными щеками, передъ этими массами красокъ и ихъ отраженій, — тотъ узнаетъ Рубенса изъ тысячи. Не узнать Рубенса невозможно. Въ пейзажахъ и апофеозахъ королей, въ битвахъ и охотахъ, въ мадоннахъ и портретахъ — это все тоже царство внѣшности, въ ущербъ внутреннему содержанию.

Да не подумаетъ читатель, что въ этихъ словахъ мы пишемъ приговоръ Рубенсу. Нѣтъ. Значеніе внѣшности, формъ, такъ велико, что они и сама по себѣ есть жизнь. Множество предметовъ въ природѣ (стоитъ вспомнить хотя-бы только цвѣты) прельщаетъ насъ исключительно своею внѣшностью. Таковъ и Рубенсъ: въ этомъ его сила, но въ этомъ и приговоръ. Никто не откажетъ себѣ въ удовольствіи полюбоваться его картиною, но никто не скажетъ, положивъ руку на сердце, что онъ чувствовалъ что нибудь передъ нею, чтобы картина Рубенса зажгла въ немъ какую нибудь сокровенную думу, и повела путемъ работы мысли къ самоулучшенію, къ самосозерцанію... Кому пришлось видѣть «Страшный судъ» Микель-Анджело, — тотъ пойметъ насъ лучше другихъ. Кто чувствовалъ передъ Мадонною Рафаэля (изъ его лучшаго времени) присущее ей бѣшеніе жизни и искренности красоты и нѣжность геніальнаго Урбината, тотъ будетъ знать чего именно не достаетъ Рубенсу и въ чемъ его слабая сторона.

«Поклоненіе царей» — это одна изъ любимыхъ темъ Рубенса. Оно и понятно: легендарная сторона этого факта подходила какъ нельзя больше къ его таланту. Рѣзкое сопоставленіе убогаго жилища пастуховъ, яслей, соломы, деревяннаго навіса съ одной стороны, и пышности одеждъ восточныхъ владыкъ, пришедшихъ съ цѣнными дарами и многочисленною свитою съ другой, это такіа ноты, которые приходились по душѣ Рубенсу. Еще будучи въ ученіи у Отто Веніуса далъ онъ «Поклоненіе царей». Петербургскій эрмитажъ, Мюнхенская Пинакотекка, Бленхеймская и Гросвенорская галереи имѣютъ тоже свои картины Рубенса на эту тему.

Мы представляемъ читателю рисунокъ съ эскиза картины, находящейся въ Антверпенскомъ музеѣ. Это одна изъ раннихъ работъ Рубенса. Видно, что художникъ не былъ еще полнымъ господиномъ своего таланта. Картина писана до путешествія въ Италію и до изученія Рубенсомъ великихъ мастеровъ эпохи возрожденія.

С.

Зимнія моды.

Въ концѣ 1868 г. богиня моды начала издѣваться надъ своими слишкомъ строгими послѣдователями. Лица раскрашивались до того, что въ нихъ не оставалось почти ничего природнаго; волосы получали красноватый оттѣнокъ, платья были или слишкомъ коротки, или слишкомъ длинны; мужской костюмъ представлялъ повременамъ также нѣчто невѣроятное. Говорятъ, будто новый 1869 годъ уничтожитъ веѣ эти экстравагантности и введетъ въ моды нѣкоторую трезвость.

Для вѣровъ господствующій теперь жанръ «Людвика XVI» съ рисунками à la Валто или Буше въ бѣлой перламутровой оправѣ. На каждой пластинкѣ медальонъ съ серебрянными украшениями. Самый мод-

ный вѣеръ впрочемъ, вѣеръ въ греческомъ стилѣ. Рисунокъ дѣлается на лайкѣ или на атласѣ, прикрытый облакомъ изъ point d'Angleterre. Словомъ, кружево играетъ роль всюду, а такъ какъ настоящее кружево чрезвычайно дорого, то надо умѣть замѣнять его своимъ рукотѣлемъ.

На предлагаемой нами картинкѣ, платья всѣхъ господствующихъ фасоновъ. Матеріалъ: бархатъ, атласъ, поплинъ, экосезъ и кружево. Бальные тюники дѣлаются преимущественно кружевные. Рукавовъ на балномъ платьѣ не полагается вовсе, а дѣлается одна только пройма. Чрезмѣрное декольте вѣроятно также относится къ экстравагантностямъ прошлаго года и надо надѣяться, что волны кружевъ поднимутся наконецъ до высоты женскаго бюста. Фишу и платочки Марія-Антуанетта начинаютъ уже появляться въ театрахъ.

Костюмъ мальчика на нашей картинкѣ называется Prince Impérial и сдѣланъ изъ чернаго бархата. Для дѣтей, въ Парижѣ два наиболее модныхъ костюма: Régence, состоящій изъ бархатныхъ панталонъ, бархатной накидки, застѣгивающейся съ боку и обшитой мерлушкой и чересковой папачи изъ такой-же мерлушки. (Почему этотъ костюмъ называется Régence, намъ неизвѣстно). Второй модный костюмъ Prince Impérial представленъ на картинкѣ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нижегородцы.

ОПЕРА въ 5-ти дѣйствіяхъ г. Э. Направника.

Подъ этимъ названіемъ представлена, 28-го декабря, новая русская опера, въ пользу автора ея, капельмейстера оперы. Задача критики сложна и мало весела въ виду произведеній, подобныхъ настоящему, когда, при оцѣнкѣ его, приходится вдаваться въ разныя соображенія, примирять немалые и нерѣдкіе промахи въ главномъ съ достоинствами частностей и т. п.

Въ настоящее время, — когда ясно установилось различіе между музыкою чистою, инструментальною (симфонія, концертная увертюра) и музыкою, соединенною со словомъ (ораторія, кантата, *музыкальная драма* — опера), нельзя разсматривать въ оперѣ музыку отдѣльно отъ драмы, вызвавшей ее, почему и мы обратимся съ начала къ драмѣ, лежащей въ основѣ оперы.

Дѣйствіе происходитъ въ смутное и многотрудное для русскаго люда время 1612 года. Сигизмундъ, овладѣвшій Смоленскомъ, держитъ въ рукахъ всю Русь; Москва, занятая поляками и измученная беспорядками междоусобицы и Самозванцевъ, въ отчаяніи присягаетъ королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда. Очередь присягать за Нижнимъ Новгородомъ; но недовѣріе къ полякамъ, въ рѣшительную минуту проснувшееся сознание собственныхъ силъ и возможности обойтись безъ чужаго вмѣшательства, вліяніе личностей, какъ Мининъ, патриархъ Ермогенъ, князь Пожарскій, — рѣшаютъ затрудненіе: ополчается старъ и младъ, складывается всѣмъ имуществомъ и идетъ выручать родину. Вскорѣ Смоленскъ и Москва снова въ рукахъ русскихъ, Поляки изгнаны за предѣлы отечества и можно приступить къ избранію царя своего, русскаго. И такъ, народное бѣдствіе, борьба противъ него и успѣшный выходъ изъ нея — вотъ главный, драматическій мотивъ, тяготеющій надъ всею пѣсою; мотивъ — сильный, вѣчно-юный, сочувственный каждому престолюдину, весьма близкій къ чувству, такъ сильно-выливавшемуся въ «Жизни за Царя». Казалось бы, съ перваго взгляда, щекотливымъ приниматься за новую обработку настроенія такъ геніяльно воплощеннаго Глинкою, но настроеніе это такъ неизчерпаемо глубоко, что даже музыкантъ мало самобытный, какъ г. Направникъ, нашелъ для него свои выраженія, — насколько сильныя и вѣрныя о томъ ниже, — но все-таки свои, о чемъ свидѣлствуютъ и увертюра, и большая часть четвертаго дѣйствія.

Страсти дѣйствующихъ лицъ, сцѣпленія ихъ интересовъ составляютъ уже нѣчто второстепенное по отношенію къ главной идеи драмы и должны стремиться къ возможно-полному ея освѣщенію. На этой точкѣ расходятся воззрѣнія художниковъ, смотря по свойствамъ способностей относиться къ предмету болѣе объективно, или болѣе субъективно.

Вотъ впрочемъ ходъ пѣсы:

Дѣйствіе первое — на постояломъ дворѣ, подъ Нижнимъ. Народъ, отдыхая отъ работы, поетъ

пѣсни; дѣвушки ведутъ хороводъ, парни пляшутъ (трепакъ). Наѣзжаютъ бояринъ Куратовъ (г. Никольскій), и Кузьма Мининъ, (г. Васильевъ I), подъ именемъ кушча Волкова провозящій воззваніе Ермогена къ народу. Они толкуютъ о дѣлахъ московскихъ. Куратовъ сообщаетъ послѣднее извѣстіе, что Москва присягнула Владиславу; оба сходятся на томъ, что не ждать добра отъ ино-вѣрца. Тутъ же Куратовъ рассказываетъ о безнадѣжной любви своей къ Ольгѣ (г-жа Соловьева), дочери князя Боровскаго (г. Мельниковъ), заклатаго врага рода Куратовыхъ. Мининъ утѣшаетъ его чѣмъ можетъ и прощается, чтобы ѣхать въ Нижній. Едва успѣлъ онъ отѣхаться отъ постоялаго двора, какъ за сценой раздается выстрѣлъ — засада, подготовленная Боровскимъ съ тѣмъ, чтобы убить Минина и отнять у него грамоту, о которой онъ зналъ. Подоспѣвшій Куратовъ спасаетъ Минина отъ рукъ злодѣевъ и, проводивши его нѣсколько верстъ, сворачиваетъ къ Боровскому, къ которому везетъ письмо.

Дѣйствіе второе — пиръ у Боровскаго; гости его — русскіе бояре, передавшіеся Польшѣ, и поляки. Вбѣгаетъ стремянной и рассказываетъ о неудавшейся засадѣ. На послѣднихъ его словахъ входитъ Куратовъ, въ которомъ стремянной признаетъ спасителя Минина. Общее негодованіе, смягчающееся только при подачѣ письма отъ Гонсѣвскаго. Пиръ между тѣмъ идетъ горой: пѣсни и пляска шутовъ и скомороховъ. Князь, по предложенію Гонсѣвскаго, рѣшается ѣхать вмѣстѣ съ Куратовымъ въ Нижній, чтобы склонить Нижегородцевъ на присягу Владиславу.

Дѣйствіе третье — въ Нижнемъ; на-право — теремъ Ольги, отдѣленный рѣшоткою отъ лѣвой стороны сцены, представляющей дорогу и лѣсъ. Ольга, дочь Боровскаго, признается подругѣ своей Ксеніи (г-жа Шредеръ) въ любви къ Куратову, съ которымъ вмѣстѣ росла. Съ лѣвой стороны сцены, изъ лѣсу выходятъ Боровской со стремяннымъ (г. Булаховъ); первый высказываетъ свою ненависть къ Куратову, подозрѣваетъ его въ преданности Россіи, вслѣдствіе чего наказываетъ Стремянному по первому его знаку убить Куратова. Холопская преданность стремяннаго, ужасъ подслушивающей съ подругою своею дочери дали возможность г. Направнику воспользоваться этимъ положеніемъ для квартета. Ольга въ дуэтѣ съ Ксеніей, рѣшается все рассказать Куратову. Является Куратовъ; — любовная сцена, которую прерываетъ отецъ, объявляя дочери, что она невѣста Гонсѣвскаго. Отчаяніе послѣдней, утѣшенія подруги и хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ.

Дѣйствіе четвертое — въ Нижнемъ, на площади; на лѣво — хоромы Куратова, на право — церковная паперть. Народъ ждетъ выхода бояръ, собравшихся для окончательнаго совѣщанія у Куратова. Выходятъ бояре, съ ними Мининъ; сообщаютъ о недовѣрїи своемъ къ Полякамъ. Мининъ обращается къ народу и предлагаетъ «продать имѣнія, заложить женъ и дѣтей, и выкупить страну родную». Народъ, увлеченный его примѣромъ, стремится въ Кремль слагать свое имущество на предстоящія издержки. На сценѣ остается одинъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, Боровской. По знаку его является стремянной и двое холопей, которымъ онъ приказываетъ подстеречь Куратова, когда онъ будетъ возвращаться домой, и убить его. Но покушеніе не удается и сбѣжавшая толпа узнаетъ отъ умирающаго стремяннаго измѣну Боровскаго. Разъяренная до бѣшенства, она бросается въ домъ измѣнника и, не найдя его, рѣшается повѣсить дочь его, какъ дочь измѣнника и невѣсту поляка. Куратовъ спасаетъ ее, объявивъ что она невѣста не Гонсѣвскаго, а его; народъ, для убѣжденія своего, требуетъ безотлагательнаго вѣнчанія ихъ. По совершеніи обряда, Мининъ благословляетъ новобрачныхъ.

Дѣйствіе пятое; картина первая — Ольга скупаетъ по мужѣ въ монастырѣ, въ которой помѣстилъ ее Куратовъ на время войны. Является отецъ ея и требуетъ, чтобы она ѣхала съ нимъ, вѣнчаться съ Гонсѣвскимъ, бракъ же ея съ Кура-

товымъ будетъ расторгнутъ. Послѣ рѣшительнаго съ ея стороны сопротивленія, онъ все-таки обманомъ, будто бы дѣйствуетъ отъ имени Куратова, ухитряется увезти ее. Сбѣжавшійся на зовъ Ксеніи народъ пускается за похитителемъ въ погоню, но уже поздно.

Картина вторая — площадь внутри Кремля. На сценѣ — умирающіе отъ голода и изнуренія Поляки, засѣвшіе въ Кремлѣ, послѣ отступленія главныхъ силъ своихъ отъ Москвы; тутъ же Боровской и Ольга. Вышедшаго для рекогносцировки на стѣну Боровскаго убиваетъ сторожевой казакъ. Является Куратовъ съ предложениемъ отъ князя Пожарскаго помиловать Поляковъ, если они добровольно сдадутся. Встрѣча Куратова съ Ольгой и торжественное занятіе Кремля русскими войсками.

Вотъ содержаніе либрето г. Калашникова. Въ фельетонѣ читатели найдутъ литературный разборъ либрето; замѣтимъ здѣсь, что въ распредѣленіи сценъ, продолжительности ихъ, г. Калашниковъ очевидно соображался съ требованіями композитора, который въ свою очередь не былъ свободенъ и самъ зависѣлъ отъ формъ музыкальных, имѣвшихся въ его распоряженіи, формъ нѣсколько схоластичныхъ и рутинныхъ.

Вообще вокальные формы представляютъ еще тѣмъ искомое для музыкантовъ. Надъ ними задумывался еще Бетховенъ, а за нимъ и всѣ музыканты, работавшіе надъ словомъ, начиная съ Зебера, Мендельсона, Шумана, Вагнера и кончая соотечественникомъ нашимъ А. С. Даргомыжскимъ, посвятившаго послѣдніе годы жизни своей изученію именно этого предмета и послѣднее произведеніе котораго «Каменный гость» представляетъ съ этой стороны много замѣчательнаго. Н. Г.

(Окончаніе будетъ).

Театръ и музыка.

— Композиторъ Гуно, авторъ «Фауста», отправился въ Римъ, гдѣ онъ, какъ говорятъ, пишетъ ораторію «Цецилія».

— Опера Рихарда Вагнера «Meistersinger», будетъ поставлена на дрезденскомъ королевскомъ театрѣ еще въ теченіи января мѣсяца.

— Аббатъ Листъ, какъ сообщаютъ изъ Рима, занятъ въ настоящее время разработкою плана улучшенія римской церковной музыки; этотъ обширный трудъ, какъ говорятъ, Листъ намѣренъ представить на предстоящій вселенскій соборъ. Такъ какъ живя въ Римѣ Листъ всегда бываетъ обремененъ постоянными визитами иностранцевъ, то возмѣжаніе этого, онъ удалился на нѣсколько недѣль на виллу д'Эсте, въ Тиволи, гдѣ и окончитъ свой трудъ.

— Парижская газета «Mémorial diplomatique» напечатала у себя списокъ посмертныхъ музыкальных сочиненій Россини. Всѣ онѣ раздѣлены на двѣ части; на каждой изъ нихъ красуется надпись «Старческіе грѣхи Джакомо Россини». Первую часть составляетъ «Смѣсь»; въ ней заключается «Малая месса» и двадцать двѣ пьесы, изъ которыхъ одна называется «Canon antisavont» сочиненіе «пезарскаго лебедя», посвященное «Тюркосомъ», «Итальянскій альбомъ», состоящій изъ 12 пьесъ, «Французскій альбомъ», состоящій изъ такого же числа пьесъ и наконецъ альбомъ «Olla potrida», въ которомъ находится «Пѣснь титановъ». Вторая часть также включаетъ въ себѣ «Смѣсь», состоящую изъ шестнадцати пьесъ, альбомъ изъ восьми пьесъ, озаглавленныхъ названіями разныхъ тонкихъ блюдъ, «Альбомъ для юности», «Альбомъ для взрослыхъ дѣтей» «Album de chaumière» и «Album de chateau», каждый изъ этихъ послѣднихъ состоитъ изъ двѣнадцати пьесъ. Почти каждая пьеса имѣетъ юмористическое заглавіе, вѣроятно имѣвшее какой нибудь переносный смыслъ.

— Общинный совѣтъ во Флоренціи согласился на требованіе вдовы Россини, которымъ она обусловила перевозъ тѣла своего покойнаго мужа; она поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ послѣдствіи ее похоронили рядомъ съ мужемъ. Монсеньоръ Лимберти воспретилъ женщинамъ участвовать въ хорахъ при погребеніи Россини; впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ святѣйшій отецъ папа Пій IX отказалъ Россини, когда тотъ самъ просилъ папу о разрѣшеніи женщинамъ пѣть въ церквяхъ.

— Въ Болоньѣ одновременно будутъ даваться

на тамошнихъ театрахъ три оперы съ одинаковымъ названіемъ «Сивильскій циркульникъ»; на театрѣ «Communale» поставятъ новую оперу Арджини, а на театрѣ «Brunette» старую, сочиненія Паэзіелло и другую, всѣмъ уже известную — Россини. Тамъ же вскорѣ будетъ издаваться новый журналъ подъ названіемъ «Gioachino Rossini».

— Госпожа Ниманъ-Зеебахъ, какъ сообщаетъ берлинская «Шпенерова Газета», намѣрена оставить сцену и поселиться во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ она будетъ заниматься обученіемъ молодыхъ дамъ, желающихъ поступить на сцену.

— Недавно въ Парижѣ кто то купилъ собственноручную квитанцію Мольера, въ полученіи 440 ливровъ за данное имъ съ его трупною представленіе въ Saint-Germain en Laye; по приказанію короля, по случаю праздника Св. Губерта; квитанція эта была помѣчена 11 Ноября 1668 года. Она была продана за 220 франковъ.

— По почину итальянскаго правительства, во Флоренціи открылась подписка на памятникъ Россини въ церковь «Santa Croce».

— Въ Мюнхенскомъ придворномъ королевскомъ театрѣ разъ въ недѣлю дается представленіе по пониженнымъ цѣнамъ, съ цѣлью облегчить людямъ небогатымъ посѣщеніе театровъ. Если принять въ соображеніе, что въ Германіи вообще цѣны мѣстамъ весьма умѣренныя, то нельзя не отдать справедливости такому безкорыстію дирекціи мюнхенскаго театра. Не дурно бы и намъ послѣдовать сему примѣру.

— Говорятъ, что національный театръ въ Пештѣ будетъ называться «королевскимъ, венгерскимъ, придворнымъ и національнымъ театромъ» и будетъ получать изъ частныхъ суммъ императора Франца Іосифа ежегодную субсидію въ 60,000 флориновъ.

— Маркиза Аделина Патти де Ко, проездомъ въ Петербургъ черезъ Брюссель дала три представленія, изъ которыхъ первое доставило 18,000 франковъ сбору, второе — 22,000 франковъ, а третье — 28,000 франковъ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Брюсселя, маркиза подарила хористамъ брюссельскаго театра 500 франковъ.

Путешествіе.

— Капитанъ Кольдеви, начальникъ нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу, намѣренъ отправиться въ февралѣ мѣсяцѣ съ китоловнымъ флотомъ въ Полярное море, съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ сѣверныхъ льдовъ и изучить корабль, на которомъ предполагаютъ совершить вторую экспедицію. Говорятъ, что будущая экспедиція отправится на двухъ большихъ пароходахъ.

Литература.

— Въ нынѣшнемъ 1869 году совершится 300 лѣтній юбилей перваго оттиска Евангелія въ Россіи. Одинъ изъ корреспондентовъ газеты «Современныя извѣстія» призываетъ любителей просвѣщенія отпраздновать это событіе соответствующимъ торжествомъ.

Новости естественныхъ наукъ.

Д-ръ Фойтъ, въ Вѣнѣ, дѣлалъ недавно опыты и наблюденія надъ голубями, которымъ онъ вырѣзывалъ полушаріа большаго мозга. При этомъ, у одного молодого голубя, подвергнутаго этой операціи, Фойтъ, убивъ его черезъ пять мѣсяцевъ, нашелъ въ черепной полости, на мѣсто вырѣзаннаго мозга, бѣлую массу имѣвшую видъ бѣлаго мозгового вещества и даже, при микроскопическомъ изслѣдованіи, имѣвшую тоже строеніе. Это первое наблюденіе новообразованія мозгового вещества съ возстановленіемъ его отправленія.

Художества.

— Императорская С.-Петербургская Академія Художествъ, какъ говорятъ, намѣрена дѣлать фотографическіе снимки со всѣхъ художественныхъ произведеній тѣхъ художниковъ, которые удостоиваются званія профессора или академика. Снимки эти послужатъ матерьяломъ для исторіи Академіи Художествъ и для біографій русскихъ художниковъ.

Новый президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ.

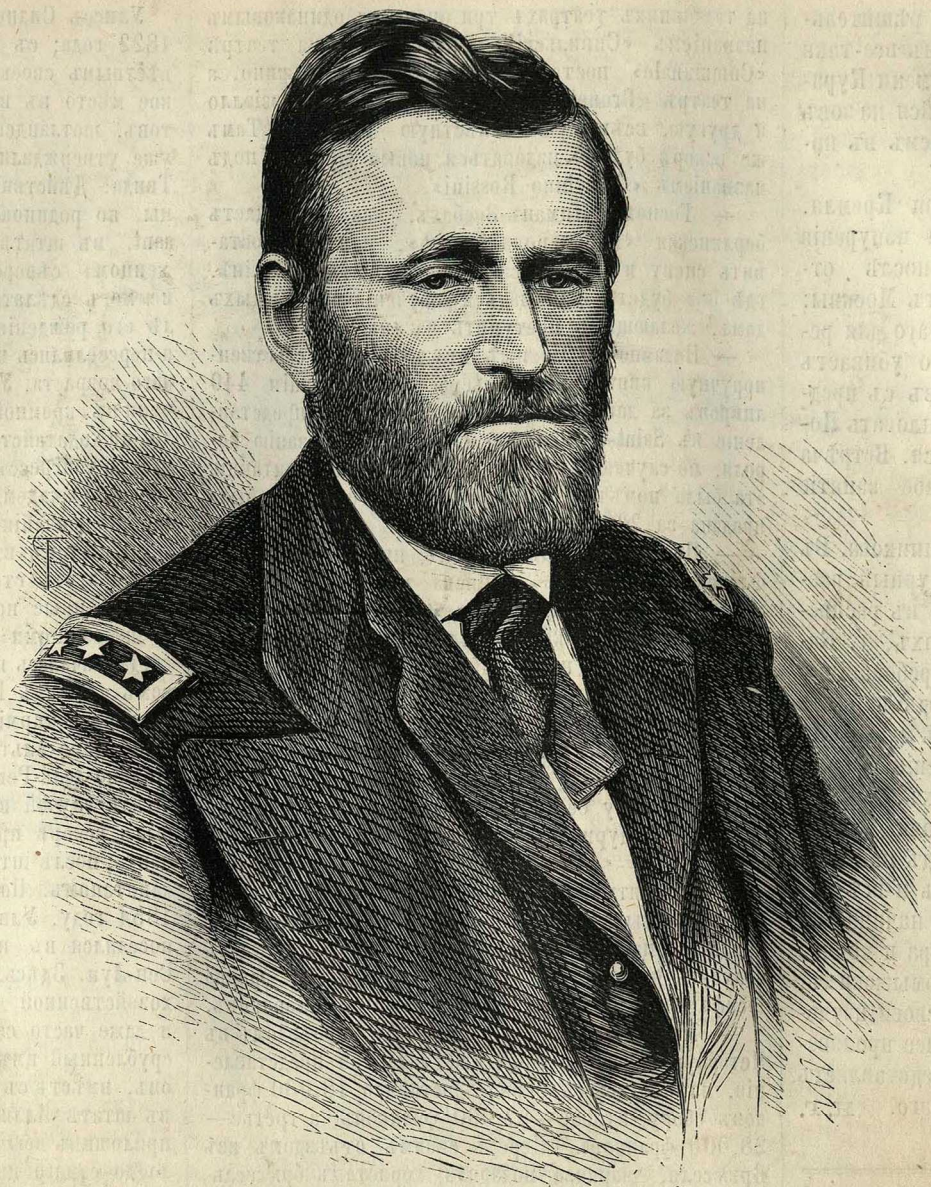
Уже въ первомъ номерѣ нашего журнала, мы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о новомъ президентѣ «великой республики»; въ настоящее время, помѣстивъ портретъ самой популярной личности Штатовъ, считаемъ необходимымъ сообщить о ней нѣкоторыя біографическія данныя.

Улиссъ Сидней Грантъ родился 15 (27) апрѣля 1822 года; съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался известнымъ своею военною карьерою и занялъ видное мѣсто въ виду политическихъ дѣятелей Штатовъ, шотландскіе органы печати нѣсколько разъ уже утверждали, что Грантъ родился на берегахъ Твида. Дѣйствительно родители его были шотландцы, но родиною его была не Шотландія Point Pleasant, въ штатѣ Огіо. Если бы онъ не былъ уроженцомъ сѣверо-американскаго Союза, то никогда не могъ сдѣлаться главою республики. Вскорѣ послѣ его рожденія, родители оставили Point Pleasant и переселились въ Джоржтаунъ. Достигнувъ извѣстнаго возраста, Улиссъ Грантъ, жившій до того времени въ скромной средѣ американской фермерской жизни, по ходатайству тогдашняго представителя Штата Огіо на конгрессѣ, генерала Гамера, былъ помѣщенъ въ военную академію въ Westpoint. Въ іюлѣ 1843 года, по окончаніи курса, вступилъ сверхъ штатнымъ лейтенантомъ въ 4-й пѣхотный полкъ. Такъ какъ полкъ этотъ стоялъ на границѣ Миссури, то первые военные подвиги Гранта ограничивались только небольшими стычками съ индейцами; затѣмъ, когда началась война съ Мехикой, полкъ, въ которомъ служилъ Грантъ вступилъ въ составъ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ рядѣ битвъ. При Папо-Альто, при Резаса-де-ла-Пальма, при Молино-дель-Реп, при взятіи Вера-Круца, Грантъ имѣлъ случай выказать свою личную храбрость, и былъ вскорѣ произведенъ въ чинъ перваго лейтенанта; послѣ штурма Капультека, Грантъ былъ уже капитаномъ. По окончаніи мексиканской войны, въ 1854 году, Улиссъ Грантъ вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ помѣстьѣ отца, около Сен-Луи. Здѣсь, онъ совершенно предался сельскохозяйственной дѣятельности, во все входилъ самъ и даже часто самъ возилъ на продажу въ Сен-Луи срубленный имъ же самимъ, лѣсъ. Въ тоже время онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, устроилъ въ городѣ Галенѣ въ штатѣ Иллинойсѣ кожевенный заводъ и здѣсь, приложивъ всю энергію и терпѣніе, довелъ этотъ дѣло до самаго цвѣтущаго состоянія.

Среди такой скромной дѣятельности Грантъ провелъ 6 лѣтъ. Въ 1860 году началась избирательная борьба, окончившаяся выборомъ въ президенты Линкольна, т. е. побѣдою сѣверныхъ штатовъ, что послужило для юга поводомъ къ отпаденію отъ Союза. Въ слѣдующемъ же году начались уже военные дѣйствія и Грантъ, покинувъ свою мирную жизнь предложилъ свои услуги Союзу; губернаторъ Иллинойса предложилъ ему организовать отряды волонтеровъ. Вскорѣ затѣмъ Грантъ былъ посланъ съ отдѣльнымъ отрядомъ охранять отъ Южанъ штатъ Миссури. Назначенный вскорѣ бригаднымъ генераломъ, онъ находился въ Каиро, въ южномъ Иллинойсѣ; пунктъ этотъ господствовалъ надъ верховьями Миссисиппи и Миссури и былъ очень удобенъ какъ для нападенія, такъ и для обороны. Въ то время поведеніе штата Кентукки было очень двусмысленно, а штатъ Тенеси открыто былъ на сторонѣ Южанъ; слѣдовало оба эти штата постоянно имѣть въ виду и при обстоятельствахъ привлечь ихъ на сторону Сѣвера. Грантъ прекрасно исполнилъ эту задачу овладѣвъ Падуккою и Смитландомъ, что совершенно отдало въ руки уніонистовъ весьма важныя рѣки Тенесси и Кумберленда. Въ ноябрѣ 1861 года, Улиссъ Грантъ былъ посланъ въ южную часть Миссури противъ сепаратистскаго генерала Джеферсона Томаса и хотя дѣйствія его противъ Бельмонта окончились не совсѣмъ удачно, тѣмъ не менѣе онъ доказалъ, какъ мало онъ щадитъ свою личность, во время битвы. Въ слѣдующемъ за тѣмъ мѣсяцѣ, отрядъ его былъ увеличенъ, и въ тоже время былъ подчиненъ генералу Галиску главнокомандующему арміею штата Миссури. Увѣренный въ способности Гранта Галискъ предоставилъ ему самостоятельность дѣйствій. Несмотря на интриги и наговоры людей недоброжелательныхъ къ Гранту, несмотря на представленія дѣлаемыя Галиску о томъ, что Грантъ предается излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ. Довѣренность главнокомандующаго нисколько не уменьшилась, тѣмъ болѣе, что удачныя дѣйствія Гранта повлекли за собою занятія двухъ весьма важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ: фортовъ Генри и Донильсона, при чемъ взято было 10,000 человекъ въ плѣнъ и 40 пушекъ. Слѣдствіемъ этихъ успѣховъ было назначеніе Гранта генералъ-майоромъ арміи волонтеровъ.

Слѣдующее за тѣмъ время было менѣе удачно для Гранта и послужило его противникамъ новымъ случаемъ для новыхъ клеветъ на генера-

ла. Паскучивъ медленными дѣйствіями и небольшими успѣхами, Грантъ, сдѣлавшись снова самостоятельнымъ предводителемъ, хотѣлъ быстрымъ и неожиданнымъ напоромъ смять шедшую противъ него армію сепаратистскаго генерала Борегара, но застигнутый върасплохъ при Питсбургѣ-Лендингѣ, послѣ двухдневной битвы, хотя и не потерпѣлъ совершеннаго пораженія, тѣмъ не менѣе разстроилъ совершенно свой отрядъ и только дальнѣйшими искусными и болѣе осторожными дѣйствіями, ему снова удалось внушить къ себѣ довѣріе главнокомандующаго и всего Союза. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Взятіе Висксбурга, гдѣ Грантъ овладѣлъ 30,000 плѣнныхъ, 128 орудіями и 35,000 ружей, сдѣлало его генералъ-майоромъ регулярной арміи. Вслѣдъ за тѣмъ, назначенный главнокомандующимъ союзныхъ войскъ въ области Миссисипи, Огіо, Тенесси и Кумберлендъ, битвою при Каттаногіи и взятіемъ Кноксвилля, Грантъ вполнѣ оправдалъ довѣріе конгресса и еще до конца 1863 года упрочилъ Союзу владѣніе штатомъ Тенесси. Со всѣхъ сторонъ высказывалась признательность Гранту за его услуги Союзу; главнымъ же образомъ, въ его пользу послужило то, что сами Южане отдавали полную справедливость его искусству. Признательность конгресса выразилась въ томъ, что въ честь Гранта была выбита медаль, а самъ онъ сдѣланъ былъ генералъ-лейтенантомъ всей союзной арміи. Быстрыми и искус-

Генераль Грантъ, будущій Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

ными дѣйствіями, рядомъ быстрыхъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ побѣдъ, Грантъ постепенно ослабилъ армію Южанъ и вскорѣ достигъ до Ричмонда, отрѣзавъ армію генерала Ли, главные силы Юга, отъ сѣверной Каролины, куда тотъ хотѣлъ отступить. 3 апрѣля Ричмондъ былъ взятъ и Ли сдался со всею арміею въ плѣнъ. Считая войну вполнѣ оконченною, Грантъ возвратился въ Вашингтонъ.

Многіе ожидали, что Грантъ, достигнувъ популярности и высшей военной власти, будетъ стремиться къ блестящему политическому поприщу; но онъ устранился отъ всякаго участія въ политической дѣятельности. Чѣмъ болѣе росли затрудненія во внутренней политикѣ Союза, тѣмъ яснѣе становилось, что послѣ открытой войны предстоитъ трудная внутренняя борьба. Всѣ прекрасно знали политическія убѣжденія Гранта; республиканцы видѣли въ немъ приверженца своей партіи. Въ 1867 году, Грантъ былъ назначенъ военнымъ министромъ на мѣсто отставленнаго Стантона. Какъ не старались завистники и противники Гранта оклеветать его передъ конгрессомъ, имъ это не удалось; напротивъ теперь, болѣе чѣмъ когда, было ясно, что основные законы и права гражданъ Союза не могутъ имѣть лучшей охраны и не достигнуть никогда прочнаго развитія, какъ только подъ управленіемъ Штатовъ Улиссомъ Сиднеемъ Грантомъ.

Отъ Редакціи.

Редакція считаетъ нужнымъ извѣстить гг. иногородныхъ подписчиковъ, что неакуратность въ доставкѣ «Всемирной Иллюстраціи», зависитъ не отъ ея вины, а отъ недавней почтовой реформы, которая требуетъ весьма много времени на изготовленіе списковъ подписчиковъ для сдачи журналовъ въ газетную экспедицію. При семъ редакція имѣетъ честь присовокупить, что всѣ требованія гг. подписчиковъ, поступившія въ Редакцію до настоящаго числа, будутъ выполнены ею непременно въ теченіи января мѣсяца.

Am 1. Januar 1869 hat ein neues Abonnement begonnen auf das billigste und gediegenste deutsche illustrierte Familienblatt:

Hans Wachenhusen's Hausfreund

Dasselbe ist zum Preise von jährlich 3 Rubel. 20 k. durch jede kaiserliche Post-Anstalt und jede Buchhandlung zu beziehen. Der neue zwölfte Jahrgang wird eröffnet mit dem neuen grossen Roman.

Hammer und Amboss

von Friedrich Spielhagen.

Die glänzendsten Namen der deutschen Literatur, die ersten Künstler der deutschen Akademien gehören ausserdem dem Hausfreund als thätige Mitarbeiter an, und haben auch für den neuen Jahrgang ihre Manuscripte und Zeichnungen zur Verfügung gestellt. Wir nennen hiervon nur: Das Vermächtniss des Dämons von F. v. Wickedede. — Im Mondenschein von F. Gerstäcker. — Eine Sonnenwendgeschichte von Heinrich Noë. — Der Schwede und sein Kind von Franz Lubojatzky. — Der Heiraths-Antrag, Humoreske von St. Graf Grabowsky. — Von der Botengängerin und aus dem Erbgericht, Dorfgeschichte von Moritz Horn. — Prinz Wilhelm von Fürstenberg, der Staatsverrätter, von Georg Hiltl. — Das Allenheitsvergnügen von M. Anton Niendorf. — Böhmisches Hungerthürme, von Gustav Rasch. — Heine-Skizzen von Gustav Karpeles. — Der Pabst in Wien, von Schmidt-Weissenfels. — Die Fortdauer nach dem Tode, von Karl Russ. — Bilder aus Russland, von Fr. Bucker. — Berliner Photographien, von Hans Wachenhusen. — Wiener Briefe. — Münchener Bilderbogen von C. A. Dempwolf. — Pariser Plaudereien — Londoner Briefe. — Amerikanische Skizzen.

Kein Abonnent wird auch nur eine Nummer unbefriedigt aus der Hand legen.

Hausfreund-Expedition, C. Gratz, in Berlin, Kronenstr. 21.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Января 1868 г.

АПТЕКАРСКІЕ

БЛАГОВОШНО-КОСМЕТИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ

И. САБЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи № 39,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальны и кремы.
Иппо. Духи Вioлетъ де Пармъ.
Віоле. Мыло Тридасъ и проч. предметы.
Общества врач. Париж. Порошокъ зубной и прочіе предметы.
Гендри. Духи разные и мыло Виндзоръ.
Нелетъ. Элексиръ и оданжъ для зубовъ.
Белій. Зъзъ буке.
Римельсъ. Мыло глицеринъ.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ для зубовъ.

Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Маріа Фарина.
Ж. Ф. Фарина.
К. М. Фарина.
Ж. М. Фарина № 4.
Ди комора. Краска для волосъ Меланоженъ.
Желе. Нитритинъ.
Товарищества заводовъ Парскаго мыла.
А. Ралле и Комп. (Коммисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже (коммисіонеръ).

Подробные прейсъ-курранты по требованію посылаются немедленно чрезъ почту.

ПРОДАЕТСЯ

БОЛЬШАЯ ДАЧА (VILLA).

Въ Лозаннѣ (Швейцаріи), расположенная въ здоровой и защищенной сторонѣ, со всѣми хозяйственными удобствами, съ великолѣпнымъ видомъ на городъ Лозаннъ, Женевское озеро, Альпы и Юру. Цѣна 20,000 фунтовъ стерлинговъ.

Франкорованныя письма просятъ присылать по слѣдующему адресу: В. Q. 441, въ экспедицію объявленій Газетштейна и Фоглера, въ Базелъ. (Haasenstein und Vogler in Basel).

За Редактора—Издатель Германъ Гоппе.

Типографія и Литографія А. Трашеля, на углу Невск. и Владим. проспекта, д. № 45—1.